

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ**

**Материалы VIII международной
научной конференции**

**г. Санкт-Петербург
1-2 октября 2013 года**

**Санкт-Петербург
2013**

**УДК
ББК**

**Научно-издательский центр «Открытие»
otkritieinfo.ru**

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ**

**Материалы VII международной научной конференции
13-14 февраля 2013 года г. Санкт-Петербург**

«Перспективы развития современной филологии»: Материалы VIII международной научной конференции 1-2 октября 2013 года, г. Санкт-Петербург. – С.-Петербург: «АЙСИНГ», 2013. - 90 с. – В надзаг.: Науч.-изд. центр «Открытие».

Представлены материалы докладов VIII международной научной конференции «Перспективы развития современной филологии».

В материалах конференции обсуждаются проблемы современной филологической науки, анализируются вопросы русской и мировой литературы, проводятся сопоставительные исследования русского и других языков на разных уровнях языковой системы. Сборник представляет интерес для филологов различных исследовательских направлений, учителей-словесников, студентов-филологов и аспирантов.

ISBN

Авторы научных статей
Научно-издательский центр «Открытие»

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1.

Литература народов стран зарубежья

Н. В. Доценко

ПРИНЦИПЫ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ В РОМАНАХ
ПАТРИКА МОДИАНО И ИХ ОТРАЖЕНИЕ С ПОМОЩЬЮ
КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ.....6

Д. Д. Павлова

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЭТНИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В РОМАНЕ Р. А. АНАЙИ
«БЛАГОСЛОВИ, УЛЬТИМА!»15

СЕКЦИЯ 2. Русский язык

А. А. Буевич

НАЦИОНАЛЬНО–КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «СПАСЕНИЕ»
ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ.....19

Р. В. Вальваков

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА ЗАПАХ В РОМАНЕ
А. ТОЛСТОГО «ПЕТР ПЕРВЫЙ».....24

Б. Н. Ведёшкина

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВИРТУАЛЬНОЙ
КОММУНИКАЦИИ.....35

Е. А. Сахарова

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК МЕХАНИЗМ
КОДИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ДИСКУРСЕ (на материале художественной прозы
Д. Рубиной).....42

СЕКЦИЯ 3. Германские языки

О. В. Клименко

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ ИСТОЧНИКА
У АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ СОЗДАНИЯ
ФИЗИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА.....50

А. В. Харченко

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....57

С. И. Хачатурова

ТИПОЛОГИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СОКРАЩЕНИЙ,
ИСПОЛЪЗУЕМЫХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ И ИХ ВЛИЯНИЕ
НА РУССКУЮ КОММУНИКАЦИЮ.....62

СЕКЦИЯ 4. Романские языки

Л. Ф. Львова

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ДИРЕКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ
АКТОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.....67

СЕКЦИЯ 5. Теория языка

Ю. В. Балакина

ЭЛЕМЕНТЫ УСТНОГО И ПИСЬМЕННОГО ДИСКУРСОВ
В ИНТЕРНЕТЕ.....73

М. А. Гуляева

МЕХАНИЗМЫ ОТКАЗА ОТ ОБЩЕНИЯ.....76

СЕКЦИЯ 5.

Прикладная и математическая лингвистика

Е. В. Малышкина

КОНФРОНТАЦИЯ ЛИНГВИСТИКИ
И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ.....83

Т. В. Щитова НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У РАБОТНИКОВ СФЕРЫ СЕРВИСА ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	86
---	----

СЕКЦИЯ 1.

Литература народов стран зарубежья

ПРИНЦИПЫ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ В РОМАНАХ ПАТРИКА МОДИАНО И ИХ ОТРАЖЕНИЕ С ПОМОЩЬЮ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ

Н. В. Доценко

*Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко,
Киев, Украина, n_dotsenko@ukr.net*

Современная культура пребывает в постоянном поиске новых способов фиксации информации. Сочетание новых и традиционных подходов создают динамичное единство, которое и производит новые значения. Определение и описание принципов интермедиальности в современной прозе вызывает все больший интерес. Особого внимания требует изучение взаимодействия таких видов искусств, как литература и кинематограф на примере французского романа конца XX века. Французская литература второй половины XX века находилась в поисках новых изобразительных стратегий, так как роман уже не отражал эпоху, не призывал к достижениям цели и не учил, как это было во времена символистов, поэтому роман преобразовывается в некую исследовательскую лабораторию. В то же время, начиная с конца 50-х годов, лингвистика, психоанализ, феноменология погружаются в поиск новых концептов индивида. Сомнениям подвергается не только общественная, но и индивидуальная мораль, так же как и понятия формирования человеческого сознания, понятия идентичности и проблема ее самоопределения [1, с.22]. Роман тем временем развивается особенно быстрыми темпами. Он начинает вбирать элементы других жанров, таких как эссе, поэзия, репортаж. Романная психология отходит от классических концепций. Авторы пытаются

найти среди разнообразия реакций психологическое единство. Внутри текста происходит распад, что проявляется в увеличении различных повествовательных форм: бессвязно чередуются между собой письма, объявления, газетные статьи, рекламные слоганы, реплики из модных журналов и фильмов. Текст становится свободным, перенимая формальные практики других искусств, что приводит к появлению нового литературного направления. Под влиянием произведений Клода Мориака, Натали Саррот, появившихся в середине XX века, в литературу приходит «новый роман».

Сильнейшее влияние на формирование нового течения произвел кинематограф. Использование кинематографических техник позволило отказаться от погружения во внутренний мир персонажа, от изучения его психологических особенностей. Присутствие оптического фокуса дало возможность выделять поверхностные детали, а разные способы освещения, трансформируя, «размывая» контуры и цвет предметов, демонстрировали абсолютно новое восприятие действительности. Под влиянием кинематографа писатели переосмысливают «типичную сцену», начинают уделять большое внимание описанию «декораций», под влиянием техники монтажа используют технику «встреча во времени», сцены, происходящие в разных местах, В романах исчезает линейная интрига, повествование от имени автора прочитывается в кинематографической плоскости как движение «объективной камеры». Литературное произведение стремится вызвать у читателя зрительные образы, включая его ассоциативное мышление, культурный горизонт, подсознательное.

Человек воспринимает мир как ряд визуальных фрагментов, изображений, которые предстают в постоянном движении. Находясь в среде визуальной культуры, сознание современного читателя создает красочные образы, напоминающие кинематографический фильм. Хаотичный «коллаж» визуальной информации не

дает возможности сознанию читателя обрабатывать информацию постепенно, он заставляет мозг вырисовывать общую картинку. Известный гарвардский психолог Г. Мюнстерберг отметил особую роль «фокуса» на отдельных моментах, что разбивает информационный поток на определенную цепь мгновенных впечатлений [9, с.156]. В результате представляется не объективная реальность, а эпизоды впечатлений, связанные сознанием в единое целое. Первые исследования в применении основ трансценденталистской эстетики в кинематографе были проведены Дж. Гриффитом [9, с.158]. Он первым использовал прием параллельного монтажа («cut back») в 1908 году, преобразовав технический прием в повествовательный. Таким образом Дж. Гриффиту удалось реализовать при помощи монтажа несколько функций: соединить автономные, не связанные между собой события, которые развиваются параллельно, и отобразить ментально-эмоциональное состояние героев.

Прием параллельного монтажа, наряду с другими кинематографическими приемами, стал активно использоваться французскими писателями-новороманистами. В частности, этот художественный приём объединения разрозненных, на первый взгляд, сюжетных линий присутствует в романах Патрика Модяно. Воплощение художественных стратегий киноискусства в литературном произведении говорит о продолжении писателем «традиций» его предшественников. Переплетение временных пластов в текстах Модяно напоминает серию мерцающих изображений. Линейно выстроенный автором нарративный уровень, в пределах которого действуют причинно-следственные связи, составляет основу многоуровневой конструкции. Линейно излагаемую интригу прерывают фрагменты другого повествовательного ряда, и места действия в них не соотносятся между собой, в то время как сопрягающим элементом выступает единый временной период в

прошлом. Читатель осмысливает излагаемые события как параллельно разворачивающиеся цепи, соединенные звеньями времени. Ярким примером такого временного «плетения» могут послужить романы, написанные автором в 1980-90-е годы. Так, в романе «Дора Брюдер», посвященном трагичным временам оккупации Франции во времена Второй мировой войны, герой, прочитавший заметку о пропавшей девочке в «Пари-Суар», начинает расследование. Документы, фотографии, письма родителей, адреса госпиталей оккупированного Парижа, воспоминания возможных свидетелей превращают роман-поиск в роман-архив, в котором горькие воспоминания военных лет объединяются в многоголосие потерь войны [11]. Исследуя более поздние произведения Патрика Модриано, необходимо отметить определенные изменения данного художественного приема, формирующие несколько иную конструкцию. Автор использует место действия как связующее звено сюжетных линий, тогда как временные «параметры» относительно каждой истории, представленной в романе, разнятся. В романе «Кафе утраченной молодости», вышедший во Франции в 2007 году, читатель знакомится с четырьмя историями, повествуемыми разными персонажами. Единственное, что сплетает их судьбы воедино – кафе «Кондэ», в котором, так или иначе, оказываются герои. «В этой жизни, что иногда нам кажется голой пустыней без какого-либо указателя направления, в переплетении линий всех этих потерянных горизонтов, нам хотелось бы найти какой-нибудь ориентир, начертить некую карту, чтобы не чувствовать себя щепкой, отданной на волю течений» [12, с.49–50].

Разделение повествования на отдельные фрагменты, частые «переключения» на разные временные либо пространственные параллели, демонстрирует активное использование автором и других монтажных приемов. Внимание писателя и к общей композиции произведений, и к каждому фрагменту в частности напоминает

принципы полифонного монтажа С. Эйзенштейна, применившего данный прием к немым фильмам.

Основным правилом подбора монтажных кусков великий режиссер считал не столько соединение кадров по какому-либо одному признаку, будь то движение, свет или этап сюжета, сколько учёт одновременного движения целого ряда линий, каждая из которых имеет свой композиционный ход, вместе с тем неотрывный от общего композиционного хода целого [8, с.3]. В то же время каждый монтажный кусок должен учитывать, кроме общей линии движения, также и перипетии движения внутри каждой отдельной темы. При этом фрагмент может вмещать почти все из них, иногда одну или две, в которые с помощью паузы включаются другие. Ярким примером использования такой кинематографической техники служит роман Патрика Модiano «Цирк идет» (1992). Анализируя фрагменты повествования в романе, необходимо отметить их особую последовательность и наполнение. Начало романа представляет встречу двух молодых людей, история жизни которых в Париже освещается до середины романа. Среди парижских набережных, съемных квартир, переполненных вокзалов всплывает фрагмент, отсылающий нас к субъекту наррации. Эту романтическую историю случайной встречи двух влюбленных автор вспоминает, сидя в одном из баров Парижа, спустя 10 лет, но и это оказывается его воспоминаниями. Этот фрагмент так же неожиданно поглощается последующей волной воспоминаний, излагаемой в настоящем времени. Впоследствии читатель снова сталкивается с повествователем, вспоминающим прошлое, и снова оказывается захлестнутым воспоминаниями. Рассматривая каждую временную цепочку в отдельности, можно проследить качественные изменения внутри последующих фрагментов, изображающих повествователя. Его умозаключения в процессе «пересматривания» своего прошлого, демонстрируют не пассивный онирический экстаз, а

мнемический процесс как способ отыскать себя, восстановить свою целостность, погружаясь в воспоминания: «Она замолчала. Я подумал о том человеке в синем костюме. Его улыбка поразила меня, и я не забыл ее даже десять лет спустя... Было это около 1973 года. Он стоял за стойкой уже не такой элегантный, как в тот раз, лицо его прочертили морщины, волосы поседели... Я почувствовал, что он ответит на любые мои вопросы, о чем бы я ни спросил. Я тогда был еще молод, выглядел скромным. А ему, несомненно, хотелось поболтать с кем-нибудь» [10, с.150].

В своём эссе 1930-х годов «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости», ставшим впоследствии одним из важнейших текстов в философской критике массовой культуры, Вальтер Беньямин писал: «Для изучения достигнутого уровня нет ничего плодотворнее анализа того, каким образом два характерных явления – художественная репродукция и киноискусство – оказывают обратное воздействие на искусство в его традиционной форме» [2]. Уже тогда кинематограф был примером создания нового нарративного пространства в романе. Художественные эксперименты, проводимые режиссерами, формировали новый взгляд не только на способы изображения действительности, но и на человека, захваченного эпохой технического прогресса. «Чистый показ» Дзиги Вертова стремился отразить вещь как таковую, изолированную от всяких идейных и агитационных содержаний [6]. Этот «принцип камеры» подхватывают писатели новой волны. Персонажи изображаются крайне объективно, так, будто они попали в фокус киноаппарата. Камера «скользит по поверхности», выхватывая внешнее, и совершенно не интересуется внутренним. Эмоции персонажей угадываются в их движениях и жестах. По феноменологии Гуссерля, письмо является «феноменологической редукцией», которая не доводит до конца суждение-оценку, но предлагает полную перцепцию объекта. Он

убежден, что сознание – это осознание объекта таковым, каким он является, то есть интенционально присутствующим в акте осознания. Принцип движущейся камеры, ее приближение или отдаление, предполагает объективное отражение окружающего мира с целью познания человека того времени, как эталона той среды, к которой он принадлежит [3, с.78]. В романе Патрика Модиано «Вилла «Грусть» (1975) герой оказывается среди постояльцев гостиницы в Верхней Савойе. Молодой человек, избегая военной службы, решил «затеряться» среди представителей богемы и случайных отдыхающих. Вспоминая события тех дней, автор повествования будто просматривает видеозаписи минувших лет. Его «взгляд» скользит по кадрам-воспоминаниям, то приближаясь, то отдаляясь, то останавливаясь. Виктор сегодняшний всматривается в Виктора вчерашнего, проступающего сквозь образы других персонажей. Этот прием Ж. Женетт называет «взглядом вместе», который помогает повествователю проникнуть во внутренний мир сквозь «отражения» других людей [4, с.237]. «Суммируя» информацию, поданную окружающими, Патрик Модиано подводит своего героя к моменту, когда повествователь практически сливается со своим ретроспективным «я». Это характерно для произведений, в которых происходит остановка повествования в момент познания героем истины. В романе «Вилла «Грусть» этого не происходит, герой сливается с повествователем лишь асимптотически – расстояние между ними максимально сокращается, но не исчезает окончательно. Герой так и остается «созерцать» свое прошлое. Его стремление познать себя, восстановить события минувших лет, растворяется в самом процессе ретроспективного углубления.

Используя технические приемы кинематографа в литературных произведениях, писатели второй половины XX в. открыли новые возможности художественности. Их творчество доказывает, что объединение разных искусств открывает новые горизонты художественной эволюции.

Применяя приемы параллельного, полифонного монтажа, принцип камеры, Патрику Модиано удалось создать оригинальный художественный метод. В его романах сплетение событийных рядов, принадлежащих разным временным плоскостям, создают сложную многоуровневую конструкцию, один нарративный уровень которой пронизывает другой, в то время как фрагменты-сцепки удерживают данную повествовательную модель в равновесии. Внутренний мир героев писателя выражен через созерцание этого мира окружающими. В то же время параллельные планы помогают возобновить чрезвычайно напряженное столкновение переживаний героя с окружающим его миром, который отчужденно стоит в стороне. Изучение «монтажных» практик писателя составляет часть проводимого исследования в ракурсе интермедиальных взаимодействий литературы и кинематографа и служит примером художественных тенденций французских романистов конца XX века.

Литература

1. Алхімія слова живого. Французський роман 1945–2000: учебное пособие для высших учебных заведений / В.И. Фесенко. – Киев: Изд-во Промінь, 2005. – 383 с.
2. Беньямин Вальтер. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / Вальтер Беньямин: [пер. с нем. С.А. Ромашко]. – Москва: Культурный центр имени Гете; Медиум, 1996. – С.68.
3. Гийере Рене. Нет больше перспективы: Вагнер как явление / Р. Гийере // «Le Cahier Bleu». – 1933. – №4.
4. Женетт Жерар. Повествовательный дискурс. Работы по поэтике: Фигуры III / Ж. Женетт. – Москва: Издательство им. Сабашниковых, 1998. – С. 260, 278.

5. Зонина Л. Тропы времени: Заметки об исканиях французских гуманистов 60–70 гг./ Л. Зонина. – Москва: Художественная литература, 1984. – С.59–131.
6. Малевич К. И ликуют лики на экранах / К. Малевич // «Киножурнал АРК». – 1925. – №10. – С. 8–9.
7. Горпенко В. Г. Архітектоніка фільму: Кадр. Монтаж. Фільм / В. Горпенко. – Киев: ДІТМ, 2000. – 155 с.
8. Эйзенштейн С.М. Избранные статьи / С.М. Эйзенштейн. – Москва: Искусство, 1956 г.
9. Ямпольский М. Б. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф / М. Ямпольский. – М.: РИК «Культура», 1993. – 464 с.
10. Модиано Патрик. Цирк идет / П. Модиано: [пер. с фр. А.В. Немировой]. – Харьков: Фолио, 1999. – 190 с.
11. Модиано Патрик. Кафе утраченной молодости / Патрик Модиано: [пер. с фр. И. Светлова]. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. – 156 с. – (Серия «Будущие нобелевские лауреаты»)
12. Модиано Патрик. Утраченный мир: Сборник произведений / П. Модиано: [пер. с фр. Г. Погожевой, М. Зониной, Ю. Яхниной, Т. Ворсановой]. – Москва: Виагрус, 1998. – 447 с.

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЭТНИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В РОМАНЕ
Р.А. АНАЙИ «БЛАГОСЛОВИ, УЛЬТИМА!»**

Д. Д. Павлова

*Гродненский государственный профессиональный
электротехнический колледж им. И. Счастливого,
г. Гродно, Беларусь, darja.pav@yandex.by*

При исследовании такого неоднозначного и дискуссионного понятия как этнический дискурс важно выявить объективную основу для его определения и описания. Эффективным подходом к определению понятия «этнический дискурс» является его рассмотрение в качестве процесса дискурсивного конструирования, когда учитывается языковая и социальная практика людей, а субъектом этнического дискурса выступает языковая личность с определенной этнокультурной идентичностью. Феномен ведущего мексикано-американского писателя США Рудольфо Анайи свидетельствует об одной из интереснейших тенденций общественной жизни нашей эпохи - сближении этнокультурного фактора и искусства, в особенности, художественной литературы.

Изучая этнический дискурс на материале такого художественного произведения как роман «Благослови, Ультима!», необходимо учитывать художественный контекст его порождения, который включает сюжетно-событийную и образную составляющую произведения, его идейно-тематическое содержание и прагматический потенциал, функционально-коммуникативную структуру текста. Объектно-предметное поле исследования формируется лингвостилистическими средствами реализации этнокультурем - явлений и событий художественного произведения, обладающих этнокультурной значимостью и особой языковой формой выражения. В романе Р.А. Анайи этнокультуремы раскрываются через символы и другие виды тропов,

особую лексику (испанские слова-варваризмы и реалии), концепты, характерные для языковой картины мира чикано («Природа», «Семья», «Бог»).

Через символы и тропы автор наглядно демонстрирует особенности культуры, психологии и менталитета чикано, в основе которого лежит мифопоэтическое мышление. Языковая ситуация пограничья как в зеркале отражается в творчестве писателей чикано. Они создают свои произведения на государственном английском языке, но при этом следуют зову генетической памяти и активно используют испанскую лексику, а также слова из древних языков ацтеков, что позволяет говорить о феномене нарративной полифонии текстов данного типа. Например, писатели чикано часто вводят испанские слова в англоязычные тексты, заменяя английские слова испанскими там, где, по их мнению, испанский лучше передаёт смысл какого-либо понятия. Изучив функционирование испанских слов в англоязычном произведении Р.А. Анайи, мы пришли к выводу, что испанский язык используется для:

1) выдвижения на передний план концептуально значимых элементов текста, поднятия проблем на серьёзный понятийный уровень;

2) придания эмоциональной окраски речевым произведениям, так как эмоционально окрашенная лексика часто используется для выражения моральных суждений о людях;

3) создания местного колорита, так как через использование испанских слов-реалий осуществляется художественное моделирование реальной атмосферы существования представителей данной культуры.

Таким образом, реалии являются ключевым компонентом в отражении языковой картины мира мексикано-американцев. В данном тексте автор широко употребляет испанские и английские реалии, отражающие уклад и образ жизни, религию, культуру и историю

чикано. Следует отметить, что доминирующий язык реалий в романе Р.А. Анайи - испанский.

Проанализировав реалии с точки зрения переводоведения, мы пришли к заключению, что в большинстве случаев они имеют статус варваризмов, хотя для создания местного колорита используются также англоязычные реалии. Выявленные в тексте реалии варьируются по параметрам их структуры, грамматического статуса, семантического содержания и частотности употребления в произведении. Доминирующими реалиями являются испаноязычные, простые по структуре имена существительные, обозначающие реалии мира природы.

Интерпретация этнического дискурса чикано базируется на рассмотрении основополагающих концептов в художественном произведении. В данном романе мы выделили три основных концепта для подробного анализа лексико-семантического поля: «Природа», «Семья», «Бог». В семантике концептов закодированы высшие ценности культуры чикано, их особое аксиологическое отношение. Исследовав ЛСП данных концептов, мы выявили их значимость, определяемую количеством и частотностью лексических единиц, формирующих их структуру.

Субъектом этнического дискурса в романе Р.А. Анайи является языковая личность «чикано». В данном произведении в качестве языковой личности последовательно были рассмотрены автор и повествователь как один субъект дискурса (монологическая речь), а также два второстепенных персонажа романа (диалогическая речь).

Отмеченные в исследовании лингвистические предпочтения, выявленные на разных уровнях их функционирования в речи автора / повествователя и персонажей в целом определяют следующие параметры этнодискурса чикано:

- мифологизированность (использование мифов, легенд, преданий, фольклора);
- образность, художественность, поэтичность (использование символов, тропов); - лексическое многообразие, билингвизм (использование испанских слов, реалий);
- религиозность (высокая частотность использования библеизмов и слов с религиозной семантикой);
- экспрессивность (использование разнообразных синтаксических конструкций, различных типов предложений);
- эмоциональность (эмотивная лексика, междометия);
- коммуникативность, нацеленность на установление контактов (активное использование обращений, этикетных фраз);
- динамичность, экстравертированность (использование глаголов движения, директивных высказываний, модальных слов);
- особая модальность (активность жизненной позиции и отношения к действительности);
- аксиологичность (открытость в выражении оценок и суждений).

Существующие различия в речи двух разных персонажей обусловлены их гендерными, социальными характеристиками и находятся в рамках выявленного нами этнокультурного дискурсивного конструкта, субъект которого идентифицируется как представитель группы «чикано».

СЕКЦИЯ 2. Русский язык

НАЦИОНАЛЬНО–КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «СПАСЕНИЕ» ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

А. А. Буевич

*Витебский государственный университет имени
П. М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь;
annushka1981@tut.by*

Общепризнанным является мнение, что обучение языку должно быть неразрывно связано с усвоением культуры народа его носителя. Являясь вместилищем знаний, сокровищницей культуры, язык закрепляет в своих единицах исторический опыт народа, отображает его менталитет, обеспечивает единство культурной традиции.

Ещё в конце XVIII — начале XIX вв. немецкий филолог Вильгельм фон Гумбольдт (1767-1835) писал о языке как об «объединенной энергии народа», о том, что «язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [2, с.68]. Язык и духовная сила народа не развиваются отдельно друг от друга, а «составляют исключительно и нераздельно одно и то же действие интеллектуальных способностей» [там же]. Вместилищем духа русского народа является русский язык, русское слово, которые невозможно изучать вне контекста или без учета религиозных ценностей и источников, формирующих духовно-нравственные ценности, образ жизни и морали.

Исходя из этих позиций, современные тенденции в обучении русскому языку ориентированы не только на то, чтобы приобщить обучаемых к знанию слова, но и познакомить их с «понятиями, погруженными в культуру», «культурными концептами», базовыми

духовными ценностями, в которых отражается менталитет, история и религия народа.

Конфессиональной принадлежностью русского народа является православие, следовательно, ментальные, культурные и духовно-нравственные традиции этой религии отразились и преломились в культурных концептах и духовных ценностях данного этноса.

Исследуя религиозный дискурс, лингвисты отмечают, что его ключевыми концептами являются «Бог» и «вера», следовательно, ценностями высшего порядка являются ценности веры — признание Бога, понятие греха, добродетели, спасения души, ощущение чуда и др. Следовательно, изучать русский язык невозможно вне контекста и без учета этих религиозных ценностей.

Ключевой темой, как православной религии, так и христианства в целом, является учение о спасении, поэтому концепт «спасение» в данной статье будет рассмотрен как центральный, основополагающий, в контексте духовной культуры русского человека. Как отмечает В.И.Постовалова, в базисных религиозных концептах различаются семь уровней, или слоев, концептуального смысла.

«Первый уровень смыслового содержания религиозного концепта образует инвариантный, надязыковой, наднациональный и надкультурный, конфессиональный смысл, общий для соборного сознания всех ветвей и направлений в составе какого-либо определенного религиозного исповедания, например, христианства в целом» [5, с. 6]. Так, концепт «спасение» на этом уровне истолковывается в христианстве как прощение греха и введение верующего в Царство Божие. Более того, спасение в христианстве рассматривается как акт любви Бога по отношению к людям.

«Второй и основной уровень смысла религиозного концепта составляют мировоззренческие смыслы, вырабатываемые в конкретных конфессиональных ветвях определенного религиозного исповедания» [там же, с.7].

Так, «Православная Церковь учит: спасение совершается Богом, но не без человека, от которого требуется правая вера и добродетельная жизнь по воле Божией, которая и есть спасение...» [3]. Таким образом, вера – залог спасения, необходимое условие. Но у человека остается свобода выбора, которая и есть образ Божий в нас.

«Третий уровень смысла религиозного концепта составляют духовные смыслы, вырабатываемые в различных этнических вариантах конфессиональных ветвей» [5, с. 7]. Особенностью русского православия является идея соборности, единства всего православного народа под началом Церкви. Известный русский мыслитель С.Н.Булгаков называл соборность «душой Православия», а выдающийся русский философ Н.А.Бердяев подчеркивал, что «спасаться можно лишь в Церкви», «через духовное общество», «с братьями во Христе и со всем творением Божьим», отрицая при этом «эгоизм спасения» [1, с. 28].

«Четвертый уровень смысла образуют различные смысловые оттенки, привносимые в религиозный концепт при его осмыслении и переживании в различных обществах различных эпох (общецерковная жизнь, монашеское подвижничество и т.д.)» [5, с.8]. В начале XX века в России и в среде русской эмиграции получает распространение особое духовно-церковное движение, известное под такими названиями как: «монастырь в миру», «мирской монастырь», «белый монастырь». Целью этого движения была выработка новых форм и путей спасения в условиях духовно-исторической реальности начинающегося столетия и, прежде всего, преодоления разрыва, существовавшего между монашеским и мирским путями спасения. Вспомним мудрые слова святителя Феофана Затворника: «Спасение не от места, а от душевного настроения. Везде можно спастись и везде погибнуть...» [6]. Спасение есть внутреннее дело каждого человека и от места не зависит, т.к. везде Бог.

«Пятый уровень смысла образуют смысловые оттенки, возникающие в восприятии религиозных концептов сквозь призму определенных символов, принятых в какой-либо конкретной духовной культуре — общенациональной или конфессиональной» [5, с.8]. Так, в Священном Писании символами спасения являются: *рог спасения, крепость спасения, чаша спасения, источник спасения, стены и вал спасения, изобилие спасения, щит спасения, ризы спасения, горящий светильник спасения, благовествование спасения, глас спасения, знамение спасения, убежище спасения.*

«Шестой уровень смыслов в религиозном концепте образуют смысловые оттенки, привносимые при попытках прояснить духовный смысл концепта, опираясь на языковое чувство и народно-этимологическое восприятие слова, выражающего данный концепт в соответствующем языке» [там же]. В Толковом словаре русского языка под редакцией С.И.Ожегова и Н.Ю. Шведовой спасение определяется как «избавление от опасности, несчастья» [4, с. 663], в русской религиозной философии спасение в основном трактуется в контексте преодоления смертности человека, как победа его духа и тела над смертью (Н.Ф.Федоров, Л.Н. Толстой, Л.Андреев, А.Платонов). Эта идея имеет глубокое основание в русской религиозной культуре, поскольку именно в православии главным праздником христианства считается Пасха (с еврейского "прехождение, избавление"), т.е. день Воскресения избавление от грехов.

«Седьмой, и последний уровень смыслов в религиозном концепте образуют индивидуально-смысловые, личностные оттенки в интерпретации концептов в идиолектах отдельных представителей определенного религиозного исповедания» [5, с.8-9]. Согласно учению выдающегося русского философа В.С.Соловьёва, среди основных действий человека, стремящегося к нравственному совершенству, можно выделить *молитву, пост и милостыню*, соблюдение

которых обуславливается духовностью человека, глубиной его нравственных чувств.

Данная модель описания концепта позволяет рассмотреть концепт на духовно-мировоззренческом, культурно-историческом и лингво-семиотическом уровнях. Проанализировав концепт «спасение» по данной модели, мы можем с уверенностью отметить, что спасение является не только важнейшей ценностью и духовной целью, но и смыслом жизни русского человека. В данном случае важным, на наш взгляд, является высказывание Н.А.Бердяева о том, что «душа русского народа была сформирована православной церковью», следовательно, рассказывая студентам-инофонам о русском человеке, его характере, необходимо обратить их внимание на то, что понять русского человека без знания его религиозных установок невозможно. Поэтому изучение религиозных концептов представляется нам наиболее корректным и оправданным путём ознакомления студентов-инофонов с русской православной культурой, отраженной в языке.

Литература

1. Бердяев, Н. Спасение и творчество / Н. Бердяев // Путь. № 2. — М.: Информ-Прогресс, 1992.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. — М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. — 400 с.
3. Ефимов, Игорь, священник. Современное харизматическое движение сектантства / Священник Игорь Ефимов / [Электронный ресурс]. — 1995. — Режим доступа: <http://www.klikovo.ru/db/book/msg/6688>. — Дата доступа: 06.02.2012.
4. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова — 4-е изд., М., 1997. — 944 с.

5. Постовалова, В.И. Религиозные концепты в теолингвистическом представлении / В.И. Постовалова // Хрестоматии теолингвистики. Т. 2. Под редакцией А.К. Гадомского и К. Кончаревич. — Издательство: Универзитет у Београду — Православни богословски факултет. — Београд (Сербия), 2011. — С.6-12.

6. Феофан Затворник, свт. Монастырь в миру / Свт. Феофан Затворник [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pagez.ru/olb/102.php>. — Дата доступа: 06.02.2012.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА ЗАПАХ В РОМАНЕ А. ТОЛСТОГО «ПЕТР ПЕРВЫЙ»

Р. В. Вальваков

*Кыргызско-Российский Славянский Университет,
г. Бишкек, Кыргызская Республика,
rnn2005@mail.ru*

Концептуальный анализ – это способ систематизации знаний или информации, хранящихся в сознании человека и выводимых путем анализа семантики языковых единиц. Концепт – модель информации, связанной с определенным понятием, явлением, предметом и т.д., существующим в объективной реальности. Концепт должен охватывать все виды знаний об отображаемом явлении. В лингвистических исследованиях выделяется довольно обширный перечень компонентов, формирующих структурно-содержательную сторону концепта: понятийный, образный, оценочный, эмоциональный, этнокультурный, культурологический, ассоциативный и т.д. Именно эти составляющие, охватывающие все информативное содержание концепта, формируют то или иное строение концепта, его структуру. Важное свойство концепта – это его способность вступать в определенные связи и отношения с другими концептами.

Под концептом «запах» понимается «концепт, связанный с обонятельными ощущениями и хранящий в сознании человека знания об обонятельном признаке объектов, в его языковом выражении» [2, 3]. Понятийная составляющая, являющаяся ядром концепта «запах», «включает объем, т.е. все «виды» запахов от ароматов до смрада, и содержание концепта, сформированное общими содержательными признаками» [2, 9].

Запах, понимаемый как ольфакторный признак объектов реальной действительности, является составной частью информации, которую человек получает благодаря способности к сенсорной перцепции. Функцией концепта «запах» является осмысление ольфакторного признака объектов реальной действительности и закрепление полученной информации в значениях языковых единиц.

Запах – это один из многообразных признаков объектов реальной действительности, способный восприниматься обонянием человека. Фактически процесс обонятельного восприятия представляет собой один из аспектов многопланового взаимодействия человека с окружающим его вещным миром. Взаимодействие предполагает наличие связи, отношения между двумя и более элементами, что обуславливает ситуативный характер обонятельного восприятия.

Думается, что необходимо различать лексический концепт «запах» и синтаксический концепт «ольфакторное восприятие». В первом случае содержательная сторона концепта будет формироваться запахом как феноменом реального мира, отражающим ольфакторный признак объектов реальной действительности. Во втором случае содержанием концепта будет процесс ольфакторного восприятия, выливающийся в конечном итоге в ситуацию ольфакторного восприятия, со своим набором участников и отношений между ними. Вербализация концепта ольфакторное восприятие будет осуществляться посредством синтаксических средств – структурными

схемами предложений различного типа. Отметим, что данный концепт можно считать фреймом, если понимать под фреймом «структуру знания, организованного в форме образа стереотипной ситуации» [5, 10] и учитывать, что «Языковым аналогом фрейма выступает инвариантная семантическая структура – пропозиция, которая может иметь различные манифестации» [3, 3].

Средством номинации ольфакторной ситуации является предложение, в котором находят языковое выражение участники ольфакторной ситуации. Элементами ситуации ольфакторного восприятия являются: 1) запах, или ольфакторный признак, 2) перцептор, или субъект восприятия (необходимо заметить, что перцептор может быть имплицирован), 3) источник запаха, объект физического мира, являющийся носителем ольфакторного признака.

Анализ вербализации концепта «запах» в тексте художественного произведения позволяет более детально описать содержательную сторону данного концепта. Перцептивный концепт «запах» в художественном тексте служит целям изображения, описания определенного фрагмента текстовой реальности. Феномен запах очень тесно вплетен в систему мироустройства. Проявлением этой связи является то, что актуализация концепта «запах» в тексте влечет за собой актуализацию связанных с феноменом запах аспектов реальной действительности.

Сопряженные с концептом «запах» важнейшие признаки окружающей действительности и стереотипные представления о ней получают индивидуально-авторское осмысление и фиксируются языком.

Связь обонятельного признака с различными элементами реальной действительности позволяет использовать ольфакторные единицы в качестве особого кода, передающего не только ольфакторные смыслы. «И физические объекты, и абстрактные понятия, и эмоции – все сводится к единственному плану – звуко-зрительным образам сознания, которые выполняют функцию знаков,

которые помечают предмет и имеют определенный смысл» [1, 164]. Связь концепта «запах» с другими концептами особым образом преломляется в художественном тексте жанра исторический роман.

Ольфакторное предложение является знаком, номинирующим ситуацию ольфакторного восприятия и указывающим на отдельные явления, события, ситуации реальной действительности. В художественном тексте ольфакторный признак отходит на второй план, внимание фокусируется на ином аспекте информативного содержания ольфакторного предложения. В основе подобного функционирования ольфакторного предложения лежит механизм ассоциативной связи. «Человек владеет словами с закрепленными конвенционально их значениями в первичной номинации, во вторичной же номинации появляются смысловые приращения (коннотации), привносимые ассоциативной деятельностью сознания, связывающий данный знак с различными элементами действительности» [4, 110]. Ассоциативная деятельность сознания, о которой идет речь в данной цитате, оперирует языковыми знаками, к которым относится и предложение. У предложения, также как и у слова, могут появляться дополнительные, ассоциативно обусловленные оттенки значения. В отличие от слова, это не образно-метафорические коннотации, а, скорее, стереотипные представления символического характера.

В романе А. Толстого «Петр Первый» предложения, номинирующие ольфакторную ситуацию, выполняют ряд функций, в основе которых лежит содержательная связь запаха с объектами и явлениями реального мира, его «встроенность» в объективную реальность. Можно заметить, что особенности функционирования запаха в его языковом выражении определяются как жанровой спецификой текста исторического романа, так и индивидуально-авторским осмыслением феномена запах.

Запах, наряду с другими средствами, используется для создания исторического колорита.

Вербализация концепта «запах» в тексте романа происходит в определенных типовых текстовых фрагментах. Зачастую автор прибегает к одним и тем же ольфакторным образам.

Так, при описании времени суток утро А. Толстой регулярно опирается на запах печного дыма и хлеба. Этот факт можно объяснить экстралингвистически: подобное положение дел соответствует жизненному укладу описываемого периода – во многих домах утром пекли хлеб.

Кричали петухи в мутном рассвете. Неохотно занималось февральское утро. Ночные сторожа, путаясь в полах бараньих тулупов, убирали уличные рогатки. Печной дым стлало к земле, горячим хлебом запахло в кривых переулках.

Гостинодворцы уже снимали с дверей замки, вывешивали на шестах товары. В калашном ряду дымили печки, запахло пирогами. Со всех переулков тянулся народ.

Утро было сырое, теплое, мгlistое. В переулках пахло мокрыми заборами и дымками из печных труб.

Запах используется как часть портретной характеристики персонажа, указывая на род деятельности и занятия. Здесь проявляется роль запаха в стереотипном представлении определенной общности людей и человека как класса этой общности. В царствование Петра Первого в России стало популярным курение табака. Запах табака является принадлежностью людей военных и людей, имеющих отношение к морскому делу.

Петр любил в Лефорте свои сладкие думы о заморских землях, прекрасных городах и гаванях с кораблями и отважными капитанами, пропахшими табаком и ромом, ...

Пономарь от Старого Пимена, когда пропахшие табачищем драгуны сволокли у него с колокольни великий

колокол, напился пьян и хотел повеситься на перекладине

...

*По случаю приезда из Голландии сына Гаврилы у Бровкина после обедни за столом собралась вся семья: Алексей, недавно возведенный в подполковники; Яков – воронежский итурман, мрачный, с грубым голосом, **пропахший насквозь трубочным табаком...***

Любопытно в этой связи обратить внимание на ольфакторную характеристику некоторых персонажей. Так, при описании царя Петра запахи, будучи связанными с определенной деятельностью, полнее раскрывают его образ.

*С тоской видела, что и колбаски его не прельстили. Присела рядом, взяла его руку, **пахнущую овчиной**, стала целовать.*

*Лапушка поцеловал жесткими губами, – **весь пропах дегтем, табаком.***

От царя пахнет запахами, присущими скорее простому, не знатному человеку, ремесленнику, а не царю.

При описании шведского короля Карла запахи также соответствуют его воинственному характеру и образу жизни, связанному с военными походами.

*Король чувствовал себя отлично после короткого сна на походной постели, под шинелью, **пахнущей дорожной пылью и конским потом.***

*Карла нельзя было ни купить, ни соблазнить, - он ничего не желал от жизни, кроме грохота и дыма пушек, лязга скрещенного железа, воплей раненых солдат и зрелища истоптанного поля, **пахнущего гарью и кровью**, по которому осторожно - через трупы ступает его вислозадый конь.*

Не релевантный в наше время ольфакторный признак – запах, исходящий от бороды – используется в качестве портретной характеристики персонажа для создания исторического колорита.

Рассказывали, что, тоскуя по Василии Васильевиче, Софья взяла наверх ученого чернеца, Сильвестра

*Медведева, и он вроде как галант и астроном: ходит в шелковой рясе, с алмазным крестом, шевелит перстнями, бороду подстригает, – она у него – как у ворона и **хорошо пахнет.***

*Он был толстый, **от бороды всегда пахло мятой**, и все хворал... Я его мало помню... Умер от водяной болезни...*

Концепт «запах» реализуется при описании определенного вида деятельности, характерного для изображаемой эпохи. Верфь, на которой строят корабль, или военный лагерь обладают своими характерными запахами.

*При свете костра различались ребра ипангоутов, корма корабля на стапелях, переплет деревянной машины, поднимающей на блоках связки досок, тяжелые балки. Сновали лодки с фонариками. Раздавались хриплые голоса. **Пахло сосновыми стружками, смолой, речной сыростью...***

*На том берегу поднимались на стапелях ребра строящегося корабля. Стучали топоры, визжали пилы. **Там пахло табачком, дегтем, стружками, морскими канатами...** Ветер с моря продувал сердце...*

*Графиня с трудом, дергая за ремень, опустила окно кареты. **Потянуло теплым запахом конского пота и сытным дымком солдатских кухонь.***

Определенный запах может соотноситься с невещественными, абстрактными аспектами мироустройства. В следующих примерах смысл «уютный быт» кодируется, наряду с другими средствами, посредством объективации концепта «запах».

*Кажется, полюби сейчас Анну Ивановну простой человек (с достатком), ах, променяла бы все на безмятежную жизнь. Чистенький домик, - пусть без мажордома, - солнце лежит на восковом полу, **приятно пахнут жасмины на подоконниках, пахнет из кухни жареным кофе**, навевая успокоение, звякает колокол на кирке, и почтенные люди, идя мимо, с уважением кланяются Анне Ивановне, сидящей у окна за рукодельем...*

Данные текстовые фрагменты объективируют концепт «уют» в сознании персонажа романа Анны Ивановны Монс – немки, переселившейся в Россию. Ольфакторный компонент данного отрывка показывает связь концепта «уют» и концепта «запах» через ольфакторные образы жасминов и жареного кофе. По отношению к персонажу иного национального и социального происхождения связь концептов «запах» и «уют» осуществляется при опоре на иные ольфакторные образы. Например:

Оказалось, – Андрюшку Голикова не пустил мажордом, и тот все еще сидел на дворе в отпряженной телеге. Впрочем, ему и там было хорошо со своими думами. Над черными крышами светили звезды, пахло поварней, сеновалом, хлевами, – весьма уютно, и – нет-нет – откуда-то тянуло сладчайшим духом цветущей липы. От этого особенно билось сердце. Андрюшка, облокотясь, глядел на звезды.

Таким образом, реализация в тексте романа концепта «запах» сопровождается имплицитным выражением статусно-ролевых смыслов и служит целям дифференциации персонажей по различным признакам, выделяя их, делая их более рельефными в восприятии читателя. Вербализация запаха способна дифференцировать персонажей по принципу «свой – чужой».

Пахло от нее французскими сладковатыми духами, чужим чем-то.

Даже запах от платья Лефорта был не русский, иной, весьма приятный...

Кулинарные запахи также служат имплицитными маркерами принадлежности к разным культурам. Так, русская культура связывается с ольфакторными образами свежесдобленного хлеба и щей.

Пахло мясными щами. Овсей и брат его, Константин, тоже стрелец, не спеша хлебали из деревянной чашки.

Шубы, валенки, шляпы, шапки валялись горой на полу, сутились сальные девки, пахло щами.

Западная культура связывается с иными ольфакторными образами.

*Солдаты и матросы веселыми кучками устремлялись к харчевням, где, подвешенные над дверями, **чудно пахли пучки колбас или копченый окорок.***

*На пестрой полотняной скатерти в хрустальных кубках было уже налито венгерское, грудой посреди стола лежали кровавые, свиные и ливерные колбасы. **От холодных блюд пахло пряностями.***

Несомненно, все бури летели мимо этой мирной комнаты, где приятно пахло ванилью и кардамоном, что кладут в хлебцы, где кресла и диваны уже стояли в парусиновых чехлах и медленно тикали стенные часы.

Петровская эпоха знаменует собой новый этап в истории России, характеризующийся значительными изменениями во многих сферах жизни. Противопоставление Петровской эпохи и Допетровской эпохи находит свое языковое выражение при реализации концепта «запах». Так, регулярным маркером принадлежности к допетровской старине является указание на запах ладана и воска.

*Жар шел от синей муравленой печи, **пахло ладаном и воском.** Было первым и важнейшим делом – так сидеть в благолепном молчании, хранить чин и обычай.*

*Скороход провел его узенькими лестницами, темными переходами наверх в старинные каменные терема, уцелевшие от большого пожара. Там все покои были низенькие, сводчатые, расписанные всякими травами-цветами по золотому, по алому, по зеленому полю; **пахло воском, старым ладаном,** было жарко от изразцовых печей, ... Гаврила со всем презрением к этой старине бил шпорами по резным каменным плитам.*

Особые запахи связаны с явлениями природы. Так, наблюдаемое в экстралингвистической реальности изменение ольфакторных признаков до и после дождя отражается в следующих примерах.

Стянув караван, двинулись к Азову. Ночь была мягкая, непроглядная, **пахло дождем и травами**.

Грозовая туча прикрыла тускнеющую полоску заката, **сильно пахло дорожной пылью** и еще не начавшимся дождем,

После дождя дорога была угонистая. Летели комья с копыт. Блестела листва на березах. **Ветерок стал пахучий**.

По морской пелене полосами пробежали ветры. Черная туча выползала из-за помраченного горизонта. И море наконец дыкнуло в лицо **запахом водорослей и рыбной чешуи**. Ветер, усиливаясь, засвистал, заревел во все Нептуновы губы...

Прошел дождь, унесло тучи. Вечер был теплый, **пахло травой**, дымом.

При исследовании концепта «запах» важным аспектом является его локализация, его привязка к какому-либо элементу реальной действительности. Зачастую запах описывается как относящийся к определенному локативному объекту. Во многих вышеприведенных примерах запах подается как ольфакторная характеристика локатива, которая, как показывает вышеприведенный анализ, позволяет передать определенный объем имплицитной информации.

Кроме того, языковое выражение ольфакторного признака локатива используется в изобразительно-выразительной функции.

В светлице – чистенько, простенько, **пахнет сухими травами**.

И **пахнет** в родительском доме **по-особенному, приятно, уютно...**

Мальчики побежали в подклеть, где давеча Алешка видел огонь в печи. Тут было тепло, сухо, **пахло горячим хлебом**, горела сальная свеча в железном витом подсвечнике.

Здесь также проявляется индивидуально-авторское осмысление феномена запах. Так, при описании нежилых

помещений происходит отсылка к запаху пыли и мышей. При описании нежилых помещений запах мышей упоминается в тексте романа 5 раз.

*Мать и дочь мужественно терпели все неудобства в средневековом замке, предоставленном им местным помещиком. **Отовсюду пахло мышами и пылью.***

Таким образом, анализ содержательной стороны языковых единиц, объективирующих концепт «запах», показывает наличие связи концепта «запах» с концептосферами человек, природа, пространство, время, в которые входят более конкретные концепты род занятий, вид деятельности, социальное положение, время суток, время года, природные явления, жилое/нежилое помещение, кулинария, быт, прошедшее время, старина и пр. Выявленная ассоциативная связь концепта «запах» с другими концептами обнаруживает разноплановую реализацию в тексте. Наличие дополнительных оттенков содержания ольфакторных единиц делает возможным их использование в качестве средства портретной характеристики, пейзажных описаний, указания на социальное положение, принадлежность к определенной культуре и пр., т.е. в качестве мощного изобразительно-выразительного средства, так как они воздействуют на чувства и усиливают впечатление от прочитанного. Кроме того, ольфакторные единицы используются для создания своеобразного исторического колорита.

Литература

1. Зайцева М. Л. Синестезийное восприятие и познание объективной реальности в пространстве эстетических коннотаций // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – Кострома, 2012. – Том 18. – №1. – С. 164-167.
2. Колупаева А.А. Концепт запах и способы его репрезентации в русском языке: автореф. дис.... канд. филол. наук. – Тамбов, 2009. – 24 с.

3. Макарова О.В. Лингво-когнитивный аспект высказываний, репрезентирующих фрейм вкуса в современном русском языке: автореф. дис.... канд. филол. наук. – Барнаул, 2007. – 21 с.
4. Маслова В. А. К построению психолингвистической модели коннотации // Вопросы языкознания. – 1989, №1. – С. 108-120.
5. Осадчий М.А. Пропозиционально-фреймовое моделирование гнезда однокоренных слов (на материале русских народных говоров) : автореф. дис.... канд. филол. наук. – Кемерово, 2007. – 27 с.
6. Толстой А. Петр Первый // http://royallib.ru/book/tolstoy_aleksey/petr_perviy.html

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Б. Н. Ведёшкина

*Российский государственный гуманитарный университет,
г Москва, Российская Федерация, bairaved@mail.ru*

Актуальность выбранной темы определяется динамичностью развития и ростом популярности электронных средств коммуникации, которые оказывают непосредственное влияние на языковые особенности пользователей, и недостаточностью разработки социолингвистического аспекта изучения интернет-среды. Интернет-коммуникация, включая в себя широкий спектр концепций, технологий и практик, занимает одно из центральных мест в реальной действительности. В настоящее время Интернет как коммуникативное пространство с огромной целевой аудиторией представляет собой самую развивающуюся и перспективную площадку для большинства проектов. Мониторинг сетевой коммуникации, особенно на массовых интернет-ресурсах свободной тематики,

позволяет зафиксировать основные языковые тенденции речевой компетенции среднестатистического пользователя, поскольку подобные сайты объединяют в одном месте людей различных возрастных и социально-профессиональных групп, гендерной и религиозной принадлежности, с разным уровнем образования.

Целью работы является выявление языковых особенностей пользователей Интернета в рамках общения в форумах. Сформулированная цель предполагает решение следующих задач: изучить влияние Сети на вербальную репрезентацию пользователей форумов; осуществить лингвистический анализ сообщений на интернет-сервисах; классифицировать полученные языковые средства; определить частотность использования отобранных элементов коммуникации.

Материалом исследования послужило более 500 сообщений пользователей, содержащих около 10 тысяч словоформ, на следующих интернет-порталах: «Форум Республики Калмыкия» (<http://forum.kalmykia.ru/>) и «Главный дагестанский форум» (<http://forum.dgu.ru/>). Выбор данных сайтов был обусловлен многонациональностью пользователей (русские, калмыки, аварцы, даргинцы, украинцы, белорусы, казахи, лакцы, ногойцы татары, чеченцы и другие), их популярностью, открытым доступом, неофициальным характером общения и свободными темами для обсуждения. Количество пользователей этих форумов превышает 5 тысяч человек.

В ходе работы были использованы методы наблюдения, описания, интерпретации и лингвистического анализа полученного материала. Тексты подверглись сплошному исследованию с целью классификации повторяющихся специфических языковых средств виртуальной коммуникации.

Интернет-коммуникация влияет на изменение современной языковой ситуации, участвует в процессе формирования новых языковых норм, расширения семантических рядов существующих лексем и

способствует популяризации неологизмов, зародившихся в Сети. В условиях виртуальной коммуникации информация представлена не только в текстовой форме, но благодаря развитию мультимедиа и в виде различных зрительных, звуковых образов. Понятие текста расширяется до семиотического концепта, воспроизводящего зрительный образ в статическом и динамическом исполнении [1]. Виртуальная коммуникация представляет собой принципиально новую форму общения, данный тип характеризуется: неограниченным количеством участников, образующих отдельный социум, определенными целями общения (информационный обмен, поддержание эмоционального контакта, самовыражение), выбором особых языковых средств компьютерного дискурса, игровым характером взаимодействия и жанровым своеобразием.

Поскольку общение в Сети начинается с идентификации, а примером самопрезентации являются виртуальные имена пользователей, в рамках исследования был проведен лингвистический анализ никнеймов (особых ономастических единиц), представленных на сайтах. Для выявления графических особенностей, составления примерной семантической классификации и определения частотности выбора никнеймов было рассмотрено 176 виртуальных имен активных пользователей, количество сообщений которых превышает одну тысячу (на калмыцком форуме – 112 коммуникантов, на дагестанском – 64). Это сделано с целью исключения из списка случайных никнеймов, созданных пользователями-«однодневками» (как правило, такие никнеймы не несут смысловой нагрузки) или пользователями-«клонами» (создание нескольких аккаунтов одним человеком). Графический анализ показал: в исследуемых ресурсах онлайн-общения никнеймы написаны как кириллицей (Горыныч, Артур Пирожков), так латиницей (Meryleen, baron munhauzen), отличаются разного рода графическими украшениями, включая числа (_Adam_, oleg19).

Также используется транслитерация (точная передача знаков одной письменности знаками другой письменности) и передача русских букв средствами латинского алфавита: STaPblu ETyH, abuxalid, а также явление случайной капитализации (включение заглавных букв в слова): CHoCoLaTe, пазитиФФка. По результатам проведенного исследования, использование графических выразительных средств характерно преимущественно для мужчин (22 примера, 66% от общего количества случаев). Абсолютное большинство виртуальных имен представлено в виде односложных существительных. Сравнительный анализ обоих форумов выявил пять популярных семантических групп никнеймов пользователей: ников-пренонимов - личные имена, например, rashid (21% от общего количества), ников-аллонимов - имена известных людей, например, Пиначет (10,2%), ников-геронимов - известные вымышленные персонажи, например, Покемон (9,6%), ников-френонимов - качества человека, например, Безумный (7,4%) и шуточных никнеймов, например, Людь (9,1%). Всего отобрано 22 семантические группы сетевых псевдонимов: зоонимы, этнонимы, титлонимы, эйдонимы и т.д.

В качестве графических особенностей пользователей Интернета, выполняющих особую роль в самопрезентации и передаче дополнительной информации, можно выделить: особую пунктуацию и графическую неоднородность текста (включение транслитерации, капитализации, использование прописных букв как идейного акцента и передачи русских букв средствами латинского алфавита). Интернет-общение в форумах отличается эмоциональная коннотация, которая достигается с помощью использования таких приемов, как количественное умножение букв (ураааа!) и повторов знаков препинания (ты где????). В рамках исследования эмодзи (смайлики) рассматриваются как отдельная семиотическая система международного общения. При помощи данных графических средств решается

существующая проблема недостатка эмоционального компонента виртуальной коммуникации. Смайлики могут ставиться в конце высказывания, передавая реакцию коммуниканта на описанное выше, после определенной фразы или цитаты, акцентируя внимание автора на интересном изречении или после приветствия, задавая тон разговора. Система эмотиконов, обладая внешней простотой и универсальностью, позволяет выражать разнообразные эмоциональные состояния и одновременно значительно упрощает текст. Сообщения отличаются максимальной сжатостью, доступностью и яркостью. Смайлы (или эмотиконы) используют 90% пользователей Интернета с целью придания письму эмоциональной окраски: классические (определенная последовательность знаков препинания) и графические (анимированные изображения). Разнообразие в использовании знаков препинания русского языка в электронной форме позволяет расширять список «общепринятых» популярных эмотиконов. Как показало исследование, около 50% всего материала содержит данные специфические средства, что придает больший игровой характер общения. В целом семиотическая система эмотиконов является подвижной и контекстуальной.

Коммуникацию интернет-пользователей отличает максимальное упрощение лексем: аббревиатуры с целью создания «нарочитой устности» (др, нг, мч); консонантное письмо (мск, спс); фонетические процессы, из устной вербализации через Интернет перешедшие в письменную форму (грю, скока, кабута, инет, админ). Значительный пласт лексики составляют слова с альтернативным, намеренно искаженным правописанием, так называемый «язык падонков» (сють-суть, харасо. аццтавить). Подобные примеры отличает скорее окказиональный характер, они имеют ограниченный круг распространения и за исключением отдельных случаев (например, превед, ИМХО, баян) существуют только в Сети. Разговорная речь оказывает значительное влияние на компьютерный

дискурс пользователей, что проявляется в использовании междометий, просторечий, коллоквиализмов, эллиптических синтаксических конструкций.

Русский язык находится в бесконечном развитии, приспособляется к новым условиям общения, вырабатывая при этом новые и трансформируя имеющиеся фонетические, синтаксические, стилистические средства. Сегодня можно говорить о появлении особого интернет-лексикона со своими правилами, которыми владеет большинство пользователей. Сетевая среда способствует появлению новых языковых средств, которые создают сами пользователи. В ходе работы зафиксированы примеры употребления 139 неологизмов, около 90% которых являются заимствованиями из английского языка (копирайтер, дедлайн, мейнстрим), около 20% относится к компьютерной терминологии или получило распространение через Интернет (аккаунт, мейл, пинг), около 10% обозначают технические новинки последних лет (нетбук, айфон, андроид). Мы сейчас не создаем общественные, профессиональные и культурные отношения, а скорее, заимствуем их вместе с соответствующими словами, т.е. мы живем в условиях трансляции чужой культуры [2]. Исследуя Интернет как коммуникативное пространство, ученые отмечают, что появление новых средств общения приводит к изменениям в структуре и характере коммуникативного процесса, это отражается прежде всего на речевом поведении пользователей. Сетевые ресурсы представляют собой своего рода базу данных языковых средств, созданную пользователями в процессе непосредственного общения, что дает возможность лингвистам осуществить подробный анализ в аспекте проблем существования и функционирования сетевого языка, формирования сетевой идентичности и способов презентации виртуальной личности.

Сетевая среда сформировала особый лексикон со своими правилами орфографии и орфоэпии, который понимает любой пользователь. Интернет обладает огромной силой и невероятным влиянием на умы людей: пользовательский креатив порождает ряд оригинальных языковых средств, популяризирует эпистолярный жанр. Лингвисты благодаря оперативности и популярности виртуальных жанров получили уникальную возможность фиксировать основные тенденции развития языка: появление неологизмов, новых значений слов, распространение логоэпистем, влияние прецедентных текстов и т.п. Одновременно мы имеем дело и с общим снижением культурно-речевого уровня; общение пользователей в Интернете способствует снижению грамотности населения, проявляемое в осознанном упрощении языковых единиц, отказе или игнорировании существующих правил русского литературного языка. Тем не менее, проведенное исследование в целом показало, что применение информационно-коммуникативных технологий оправдано, позволяет активизировать процесс пополнения лексики и разнообразить формы межличностного общения. Специфические языковые средства, представленные в интернет-форумах, направлены прежде всего на самопрезентацию и карнавализацию языковой личности, что в психологическом аспекте способствует повышению самооценки человека и ведет к индивидуализации. Виртуальная коммуникация на сегодня остается одной из наиболее перспективных сфер исследования.

Литература

1. Карасик В. И. Язык послеписьменной эры // Языковая личность: проблемы семантики и прагматики: Сб. науч. тр. - Волгоград: РИО, 1997. - С.141-154.
2. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва / М. А. Кронгауз - М.: Астрель, 2012. – 480 с.

**КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК МЕХАНИЗМ
КОДИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ
(на материале художественной прозы Д. Рубиной)**

Е. А. Сахарова

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия,
rabelena87@mail.ru*

С точки зрения когнитивной семиологии, когнитивная метафора трактуется как творческий механизм познания многогранных нестандартных связей и взаимоотношений между вербализируемыми объектами осмысливаемой действительности, результатом которого является структурирование новых понятий. При этом метафора воспринимается как энергетически заряженный смысловой узел текста, способный генерировать концептуально значимую информацию, выступающую ключом к постижению смыслов художественного текста. Однако метафора является не средством именованя предмета мысли, а в большей степени средством когнитивно-семиологической деятельности, направленной на кодирование свойств и признаков познаваемого и называемого предмета, отражающим мировоззренческие приоритеты автора.

Возможность метафоры передавать «уплотненный» смысл, «сгущать» информацию дает основание воспринимать ее как некий код, позволяющий найти информативно и эстетически ценный способ передачи фактуальной информации и наиболее точно, ярко и лаконично вербализировать ее.

Итак, обладая «высокой компрессией смысла» [8, с. 64], когнитивная метафора в художественном дискурсе способна выполнять кодирующую функцию, которая позволяет метафоре, сохраняя загадочность и неоднозначность интерпретации, стать уникальным

номинативным решением для обозначения тех или иных реалий или передачи определенного смысла.

Следует отметить, что в художественном дискурсе кодирующая функция метафоры реализуется двояко. С одной стороны, под кодированием понимается зашифровка информации, в некотором смысле ее утаивание. С другой стороны, в семиологии кодирование воспринимается не как создание непонятного сообщения, а как представление информации путем особого отбора и комбинации языковых средств, «перевод» категорий мышления в языковые знаки, являющийся результатом синергетической переработки получаемой в процессе дискурсивной деятельности информации.

Итак, кодирующую функцию в художественном тексте выполняют некоторые метафоры-загадки (по терминологии В. П. Москвина) [4], т. е. метафоры, в которых нет опорного слова, выполняющего функцию ключа к загадке, но есть широкий контекст, подсказывающий смысл сообщения. Несомненно, метафора – это всегда загадка, не терпящая однозначного ответа. В ней «содержится тайна, «собственный смысл» поэта» [3, с. 531], являющийся комплексом личностных ощущений и ассоциаций. Ср.: *Все остальные дочери <...> разъехались из Золотоноши кто куда, сменив место жительства и заодно уж отчество; новое время потребовало некоторой **смены фасада**, и почтенный прадед Пинхус слегка преобразился: Рахиль и Вера переделали его в Петра, Берта и Маня нарекли отца Павлом...* [7, с. 555]. Как понимать выражение *смена фасада*? Очевидно, что это метафора, так как о строительстве или ремонте дома (фасад – ‘передняя сторона здания, сооружения’) в рассказе речи не идет. Ключ к метафорическому коду лежит на поверхности, в словесном окружении метафоры, процесс декодирования не вызывает затруднений. Так, метафора становится понятна благодаря анализу дискурсивной ситуации: сестры сменили отчество, это и есть фасад – внешняя

социально обусловленная «оболочка» личности, идентифицирующая человека.

Рассмотренный вариант кодирования информации посредством метафоры воспринимается скорее как результат языковой игры. Таким способом автор стремится поддержать интеллектуальную активность читателя, привлечь его внимание к значимой фактуальной и эстетической информации.

Зачастую кодирующая функция когнитивной метафоры реализуется на уровне метафорического заглавия, способного стать ключом к пониманию многоаспектного содержания текста. Метафорические заглавия (например, «Фарфоровые затеи», «Область слепящего света», «На долгом светофоре» и др.) привлекают внимание своей неординарностью, нарушением лексической сочетаемости и, безусловно, указывают на наличие пласта имплицитной информации, необходимой для целостного восприятия содержания текста. Однако объяснить смысл метафоры и обосновать целесообразность ее выбора представляется возможным только после прочтения всего произведения. Ср.: неординарным, художественно цельным выступает заглавие одного из рассказов Д. Рубиной «На долгом светофоре». Естественно, лексема *долгий* ('продолжительный, длительный'), употребленная в переносном значении, вызывает в сознании интерпретатора «рой» смутных представлений и ассоциаций, которые структурируются в единую систему только после знакомства с содержанием текста. Оказывается, долгим светофор назван потому, что героиня рассказа попала в автомобильную пробку и во время вынужденной стоянки вспомнила свою молодость – давно прошедшие события, оставившие след в ее памяти.

Еще одна особенность заглавия состоит в том, что читатель осознает его метафоричность только после прочтения произведения. В данном случае происходит поэтапный процесс метафоризации: словосочетание,

употребленное, как нам казалось, в прямом значении, становится метафорой – вектором в поиске смыслов. При этом заглавие кодирует культурно и концептуально значимую для автора информацию. Ср.: один из романов Д. Рубиной называется «Синдром Петрушки». При первичном прочтении заглавия возникает ассоциация с фольклорным Петрушкой – героем балаганной культуры на Руси. И эта ассоциация подтверждается: роман посвящен судьбе полного тезки фольклорного Петрушки – кукольника Петра Уксусова, похожего на свой «прототип» и внешностью, и манерой одеваться, и, главное, призванием: главный герой – личность исключительная, играющая в своем театре главные роли. Позже выясняется, что «синдром Петрушки» – это медицинский термин, объясняющий рождение неизлечимо больных детей: «там нехороший ген в роду <...> мать до Лизы родила двух мальчиков, одного за другим, и оба – с синдромом<...> Называется «синдром Ангельмана», или «синдром смеющейся куклы», а еще – «синдром Петрушки» [6, с. 706]. Однако, как отмечает О. П. Гусева, в контексте всего романа заглавие представляет собой метафору «зачарованности куклами, какой-то обезумелой погруженности, безжалостной, <...> тиранической – влюбленности в ирреальное пространство кукольного мира» [6, с. 710–711]. Причем смысл этой метафоры неоднозначен: с одной стороны, синдром Петрушки – это наивысшая степень ущербности, социальной неприспособленности и невозможности адаптации к жизни, но, с другой стороны – это таинственная связь с ирреальным кукольным миром, возможность заглянуть за грань неизвестного, дарованная или Богом, или дьяволом [2, с. 204]. Заглавие, приобретая метафорическую образность, выражает замысел автора – попытку исследования психологии артиста.

Таким образом, кодирующая функция когнитивной метафоры заключается не в бесцельной игре со смыслами, не в стремлении к оригинальности, а в попытке найти

истину, представить предмет мысли в иной, нетривиальной плоскости связей и смысловых отношений.

Однако, с точки зрения когнитивной семиологии, исследовательский интерес представляет процесс вербального кодирования информации посредством метафоры, т. е. процесс преобразования смысла в комбинацию символов (языковых единиц непрямого знакообозначения), «превращения одного вида энергии (познавательного) в другой (словесный)» [1, с. 108].

Вербальное кодирование познаваемой действительности – лингвокреативный процесс, продуктом которого выступает языковое знание, содержащее в себе не только объективную, но и субъективную информацию, закодированную в коннотативной и прагматической семантике языковых единиц. В поле зрения художника слова попадает концептуально значимое для художественной структуры создаваемого текста явление. При этом включается механизм избирательного внимания, т. е. запоминаются наиболее существенные для автора свойства и качества познаваемого объекта. Сознание автора категоризирует и структурирует полученные впечатления, в результате чего происходит осмысление – установление между ними ассоциативных связей и отношений, которые служат импульсом к построению нового смысла, еще не закодированного в языке. Подобная «кристаллизация» полученной информации приводит к формированию концепта как когнитивной структуры, генерирующей результаты интеллектуального и эмоционального отражения действительности [1, с. 77–83].

Концепт, естественно, требует вербального выражения. Зачастую для этой цели в художественной речи, руководствуясь интенциональными смысловыми мотивами, используют лексические единицы вторичной номинации, экспрессивно-образная семантика которых позволяет сложное интерпретировать через простое, абстрактное через конкретное, совмещать, на первый

взгляд, логически несоотносимые понятия. Возникающие при этом нестандартные ассоциации, соответственно, закладывают базу для формирования новой когнитивной метафоры, выступающей как виртуальное представление вновь добываемых знаний, отражающих субъективно-авторское когнитивное пространство на фоне общедоступной информации. Именно когнитивная метафора выступает способом конденсации смысловой энергии концепта. Ср.: тщательно продуманный процесс продажи поддельной картины в индивидуально-авторском сознании соотносится с музыкальным произведением, с симфонией, имеющей увертюру и допускающей вариации: *И завтра, наконец, <...> родится новая Венера за личной его подписью: последний взмах дирижера, патетический аккорд в финале симфонии* [6, с. 304]; *Сейчас, когда была сыграна увертюра, когда прозвучали главные темы симфонии под названием «Рождение новой Венеры из пены морской», можно перейти к свободным вариациям*[6, с. 317]. Действительно, ассоциация нестандартная, хотя и объяснимая: вероятно, подобное соотнесение предмета мысли с языковым знаком основано на периферийном значении самой лексемы *симфония* – ‘гармоническое сочетание, соединение чего-нибудь’, а также на личностном опыте создателя метафоры (Д. Рубина окончила консерваторию). В сознании читателя возникает образ гармоничного, легкого, торжественно возвышенного действия, хотя на самом деле описывается трудоемкий, долговременный и незаконный процесс.

Получается, что доступ к когнитивной метафоре осуществляется через «видимую часть айсберга» [1, с. 175] – метафору словесную, вербализирующую сложные ментальные образования. Объективированная в языке, лингвокогнитивная метафора становится принадлежностью языкового сознания – «структуры, кодирующей полученную информацию языковыми знаками косвенно-производной номинации» [1, с. 314].

Однако знаки языка могут выражать как объективно-общественные, узуальные значения, так и субъективно-личностные смыслы, являющие результатом преломления системного значения лексемы в языковом сознании личности. В таком случае значение и смыслы вступают «в конфликт», средством разрешения которого и выступает метафора. Выбор того или иного метафорического образа обусловлен особенностями текущего восприятия описываемой действительности и её соизмеримостью с системой стереотипных образов, принадлежащих уже сформировавшейся концептосфере языка. Ср.: *А вы спросили меня, хочу ли я быть информированной-инфицированной вашими проклятыми, ежесекундно плодящимися, как бактерии, новостями?* [7, с. 339] В данном когнитивно-дискурсивном фрагменте метафора отражает индивидуально-авторское восприятие информации как быстро распространяющейся инфекции («заражение организма болезнетворными микробами»), нарушающей привычный ритм и гармонию человеческой жизни, «гасящей» реальный мир. Смыслообразующим истоком когнитивной метафоры, вероятно, выступает актуализация в значении лексемы *информация* порождаемых дискурсивной средой сем'скорость', 'распространение', 'манипуляция', 'ложь'.

Метафора расширяет смысловой диапазон когнитивно-дискурсивного образования. Связано это, на наш взгляд, с наличием внеречевых смыслов – невербализованной части смыслового содержания концепта, служащей потенциальным источником формулировки новых смыслов [1, с. 181]. При этом значение метафоры обогащается за счет перевода ее из области мышления логического в область мышления лингвокреативного с последующим включением в художественную картину мира автора.

Итак, особенность метафорического кодирования заключается не в линейной передаче готовой информации, а в интерпретации ассоциативно-образных смыслов,

возникающих при асимметричном преобразовании уже существующих в языковой системе номинативных единиц. Это сложный речемыслительный процесс, основанный на нестандартном косвенно-креативном восприятии автором окружающей действительности, попытка «вырваться <...> из общепринятых семантических норм языкового кода» [3, с. 534].

Таким образом, когнитивная метафора выступает в роли кода как способа раскрытия механизма порождения смысла текста, позволяющего реализовать коммуникативную, когнитивную, экспрессивную, эстетическую функции языка. Генерируя смысловое напряжение, актуализируя концептуально значимые художественные смыслы, структурируя и оязыковляя креативное знание о мире, метафора в художественном дискурсе творит новую реальность, находящую свою репрезентацию в художественной картине мира автора.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Гусева О. П. Заглавие как структурно-семантический код романа Дины Рубиной «Синдром Петрушки» / О. П. Гусева // Филология и культура. – 2011. – № 25. – С. 200–204.
3. Добжинская Т. «Мой интимный маленький мир» и поэтические способы концептуализации: метафора / Т. Добжинская // Слово в тексте и словаре. – М., 2000. – С. 529–537.
4. Москвин В. П. Стилистика русского языка: Теоретический курс / В. П. Москвин. – М.: Феникс, 2006. – 630 с.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с.

6. Рубина Д. Люди воздуха / Д. Рубина. – М.: Эксмо, 2012. – 976 с.

7. Рубина Д. Полное собрание рассказов в одном томе / Д. Рубина. – М.: Эксмо, 2011б. – 736 с.

8. Харченко В.К. Функции метафоры / В. К. Харченко. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 88 с.

СЕКЦИЯ 3. Германские языки

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ ИСТОЧНИКА У АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ СОЗДАНИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА

О. В. Клименко

*Донецкий национальный университет, г. Донецк,
Украина, olga.klymenko@bk.ru*

Одним из самых популярных объектов исследования на протяжении всей истории развития лингвистики можно назвать глагол. Неослабевающий интерес к этой части речи объясняется прежде всего его лексической спецификой. В основе глагольного значения лежит не только номинация выражаемого понятия, но и свернутая модель логических отношений одних понятий к другим [4]. Глагол представляет собой имплицитную синтагму, в состав которой наряду с действием входят предметные переменные (субъект, объект, инструмент и т.д.). Семантический минимум глагола (значение отношений между предметными сущностями) может быть осложнен такими семантическими признаками, как время, место, способ совершения действия и т.д. [2].

Глаголы создания физического объекта (далее ГСФО) являются одной из семантических разновидностей глаголов физической деятельности. В рассматриваемую

группу входят глаголы, обозначающие выполняемые человеком контролируемые целенаправленные физические действия, в результате которых возникает физический объект (см. примеры (1-9).

В данном исследовании осуществляется анализ одной из семантических валентностей ГСФО – валентности источника создаваемого объекта – на основе их лексикографических толкований. **Целью** анализа является исследование особенностей представления информации о семантическом актанте, реализующем рассматриваемую валентность, в дефиниции.

Понятие актанта как обязательного участника действия используется в описании значения глагола начиная с Л. Теньера [3]. Исходя из семантических отношений между составляющими действия, выделяют различные по своей функции и значимости разновидности участников. В многочисленных научных концепциях данные семантические составляющие описываются в разных терминах: глубинные падежи [5], тематические роли [6], семантические актаны и сирконстанты [1] и т.д. Количество выделяемых участников действия варьируется в зависимости от цели исследования.

Актантная структура ГСФО включает таких участников, как субъект (тот, кто производит действие); объект действия (то, что охватывается действием); создаваемый объект (то, что появляется в ходе действия); инструмент (то, что используется в ходе действия); источник (то, что служит образом для создания нового объекта).

Объектом исследования в настоящей работе является валентность источника создаваемого объекта в ГСФО. Данная семантическая переменная представляет того участника ситуации, обозначенной глаголом, который служит образом для создаваемого в ходе действия объекта, напр.:

(1) *copy* – *to make a copy that is the same as the original thing* ‘изготовить объект, являющийся копией оригинала’¹.

В результате действия в примере (1) возникает физический объект, обозначенный в толковании существительным *copy* ‘копия’. В ходе создания деятель обращается к некому объекту *original thing* ‘оригинал’, который служит источником информации о создаваемом объекте или его образом.

Анализ дефиниций ГСФО показал, что семантическая валентность источника может быть реализована на уровне дефиниции различными способами. В большинстве примеров семантический актант, реализующий данную валентность, имплицирован, напр.:

(2) *sculpt* – *to make a solid object as a work of art by shaping a substance such as wood, stone, or metal* ‘создать произведение искусства в виде твердого предмета, придавая форму таким материалам, как дерево, камень, металл’.

Можно сказать, что в примерах, подобных (2), источник создаваемого объекта относится к сфере пресуппозиции, данности. Имеется в виду, что, создавая произведение искусства, мастер воплощает в жизнь некий замысел, реализует образ, существующий в его творческом сознании. Этот образ представляет собой некую идеальную сущность, не оформленную конкретно.

Однако, в ряде примеров ГСФО источник создаваемого объекта материален и эксплицируется на уровне дефиниции, напр.:

(3) *trace* – *to copy an image by putting transparent paper on top and following the lines with your pencil* ‘скопировать изображение, наложив поверх него прозрачную бумагу и обведя карандашом’;

¹ Здесь и далее толкование примеров берется из Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (см. №7 в списке литературы)

(4) *counterfeit* – *to make an illegal copy of a bank note, product, ticket etc* ‘нелегально изготовить копии банкнот, билетов и т.д.’;

(5) *transliterate* – *to write a word from one language using the alphabet of a different language* ‘написать слово из одного языка, используя алфавит другого языка’.

В примерах (3-5) источник создаваемого объекта конкретизирован с точностью до лексемы: в примере (3) это рисунок, в примере (4) – банкнота, билет, в примере (5) – графически представленное слово.

Примеры, подобные (3-5), иллюстрируют таксономическую конкретизацию источника создаваемого объекта, поскольку в них определяется класс предметов, кодируемых рассматриваемым участником.

В ряде примеров ГСФО конкретизация носит косвенный характер: источник не называется, но может быть ассоциативно выведен из других компонентов толкования, например:

(6) *redraw* – *to draw something again, especially in order to make changes or improve it* ‘нарисовать нечто снова, с целью внести изменения или улучшить’.

Хотя в примере (6) источник создаваемого объекта не определен точно, его границы фиксируются толкующим глаголом *draw* ‘рисовать’. Образом создаваемого объекта в действии является графическое изображение, рисунок, который воспроизводится снова.

Еще одним способом реализации семантической валентности источника создаваемого объекта в ГСФО является неопределенная конкретизация. Неопределенная конкретизация источника достигается указанием на наличие данного участника без его спецификации. Данный вид представления информации об источнике реализуется в толковании неопределенным местоимением *something* ‘нечто, что-то’, например:

(7) *fake* – *to make an exact copy of something in order to trick people* ‘сделать точную копию чего-то в целях обмана’;

(8) *X-ray – verb to take a picture of the inside of something using X-rays* ‘получить изображение внутренней части объекта с помощью рентгеновских лучей’.

В примерах (7,8) источником создаваемого предмета – копии (7) и рентгеновского снимка (8) – служит объект, обозначенный в толкованиях местоимением *something* ‘нечто’. Ряд предметов, соответствующих данному участнику в реальности, неограничен. Поэтому можно сказать, что источник конкретизирован в дефиниции ГСФО неопределенно.

Интересно отметить, что как и другим актантам ГСФО, источнику присущ синкретизм передаваемых значений. Так, были зафиксированы примеры, в которых один участник является источником образа создаваемого объекта и инструментом действия, например:

(9) *stamp – to put a mark on something using ink and a stamp* ‘оставить отпечаток на чем-то, используя чернила и штемпель’.

В примере (9) создаваемый физический объект *mark* ‘отпечаток’ возникает в результате использования ‘штампующей печати’ *stamp* (инструмент) и повторяет ее образ (источник).

Таблица 1

Реализация валентности источника в толкованиях
глаголов создания физического объекта

№	Способ представления источника создаваемого физического объекта	Пример	Количество
1	Таксономическая конкретизация	<i>stamp</i> ‘поставить штамп’, <i>counterfeit</i> ‘подделать деньги или билеты’, <i>transliterate</i> ‘транслитерировать слово’, <i>trace</i> ‘скопировать рисунок при помощи кальки’, etc.	8 (8,4%)
2	Косвенная конкретизация	<i>redraw</i> ‘нарисовать снова’, <i>transcribe</i> ‘затранскрибировать’, etc.	11 (11,6%)
3	Неопределенная конкретизация	<i>fake</i> ‘подделать’, <i>imprint</i> ‘оставить оттиск’, <i>imitate</i> ‘имитировать’, <i>copy</i> ‘скопировать’, <i>photograph</i> ‘сфотографировать’, <i>X-ray</i> ‘сделать рентгеновский снимок’, etc.	18 (19%)
4	Импликация	<i>sculpt</i> ‘ваять’, <i>knit</i> ‘вязать на спицах’, <i>sketch</i> ‘сделать набросок’, <i>paint</i> ‘нарисовать’, <i>write</i> ‘написать’, etc.	58 (61%)
	Всего:	95 (100%)	

Выводы

1. Семантическая валентность источника создаваемого физического объекта реализуется на уровне толкований ГСФО при помощи эксплицитно и имплицитно представленных семантических актантов.

2. Анализ количества информации об источнике создаваемого объекта в толковании ГСФО выявил 4 способа его представления по степени определенности: таксономическую конкретизацию, косвенную конкретизацию, неопределенную конкретизацию, импликацию. Таксономическая конкретизация является наиболее информативным способом представления источника в толковании глагола. При таксономической конкретизации называется класс предметов, отражаемых данным участником (см. прим. (3-5)). Имплицитное представление источника наименее наглядно. Оно основано на общих знаниях о положении вещей в мире и системных связях между его объектами.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю. Д. Апресян. – М.: “Наука”, 1995.
2. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
3. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса /Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988.
4. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков / А.А. Уфимцева – М.: Едиториал УРСС, 2011.
5. Филлмор Ч. Дело о падеже / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1981.
6. Dowty D. R. Thematic proto-roles and argument selection / David R. Dowty // Language – 1991 – Vol. 67 – No 3.

7. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (MEDAL) CD-ROM 2nd Edition. – CD-ROM © Macmillan Publishers Limited 2007. Text © A&C Black Publishers Ltd 2007.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

А. В. Харченко

*МОУ – СОШ с.Подлесное, Марковский район,
Саратовская область*

Основная единица языка - это слово. И именно в словах отражается и история человечества, и история науки, культуры, техники, любые изменения в жизни общества. Словарный состав языка постоянно меняется: какие-то слова исчезают, потому что перестали существовать те предметы или явления, которые они называли; какие-то слова появляются, для того чтобы обозначить новые предметы или явления и т.д. И именно в лексике проявляется все богатство и многообразие языка. Этот раздел языкознания был выбран, потому что стал интересен сам факт наличия в английском языке, помимо слов, целых словесных комплексов, которые иногда тождественны слову, а чаще являют собой уникальный лингвистический феномен, отличающийся яркой выразительностью, образностью и эмоциональностью.

В английском языке есть пословица известная всему миру «Слышится Манчестер, а пишется Ливерпуль». Эта пословица, как нельзя, кстати, подходит к этой работе, так как мы слышим известное нам, на первый взгляд, слово, но оно имеет абсолютно неизвестное нам значение. Например: a wall flower (wall-стена, a flower-цветок) – дама, которую не пригласили на танец. Итак, сколько значений имеет слово?

О фразеологии написано множество статей, книг, диссертаций, а интерес к этой области языка не иссякает

ни у исследователей, ни у тех, кто просто неравнодушен к слову. Словарный состав языка, насчитывающий сотни тысяч единиц, имеет очень сложную организацию. Так, что же такое фразеология?

Фразеология (греч. *phrasis* – “выражение”, *logos* – “учение”) – раздел языкознания, изучающий устойчивые сочетания в языке. Фразеологией называется также совокупность устойчивых сочетаний в языке в целом, в языке того или иного писателя, в языке отдельного художественного произведения и т.д.

Фразеологизмы – это устойчивые сочетания слов. Фразеологизмы так же, как слова, могут иметь одно значение, а могут несколько. Значение фразеологизма не складывается из значений составляющих его слов, компоненты фразеологизма обычно нельзя поменять местами, заменить на другие. Значение имеет весь фразеологизм в целом.

Фразеологизм эквивалентен слову не только по значению, но и по синтаксической роли: он всегда является одним членом предложения. Фразеологизм отличается от свободного сочетания слов постоянством состава и единым значением, является одним членом предложения, воспроизводится «в готовом виде», а не создается в речи.

Фразеологизм обладает признаками: структурная расчленённость; постоянство компонентного состава; устойчивость грамматической структуры; семантическая эквивалентность слову; воспроизводимость.

В зависимости от степени мотивированности значения фразеологизма значениями слов, входящих в его состав, и от степени их спаянности выделяют следующие типы фразеологизмов (классификация академика В. В. Виноградова):

1. Фразеологические сращения. Устойчивые, лексически неделимые обороты, значения которых никак не выводятся из значений составляющих их слов, не

мотивированы ими: собаку съесть – know the ropes, тертый калач – old stager.

2. Фразеологические единства. Устойчивые, лексически неделимые обороты, значения которых мотивированы значениями составляющих их слов, но не выводятся непосредственно из них, а возникают на основе образного переосмысления. В большинстве случаев фразеологическому единству соответствует свободное словосочетание, которое, будучи ассоциативно переосмысленным, и послужило основой метафорической фразеологизации (плыть по течению – go down stream,; ни рыба, ни мясо – neither fish, nor fowl).

3. Фразеологические сочетания. Устойчивые сочетания слов, которые включают в свой состав как компонент со свободным значением, так и компонент с несвободным значением. Например, в сочетании «закрытый враг» существительное «враг» обладает свободной сочетаемостью, а прилагательное «закрытый» употребляется только со словом «враг», имеет фразеологически связанное значение.

Одновременно с выходом некоторых слов из состава актуальной лексики в языке наблюдается и противоположный процесс – возникновение в нём новых слов. Такие слова появляются либо, как обозначение новых, ранее не существовавших понятий и реалий, либо как новое наименование уже названного ранее.

Все новые слова выступают как новые, т.е. неологизмы, до тех пор, пока не войдут в активный словарный запас. Как только они принимаются носителями языка, осваиваются ими, теряют оттенок свежести и необычности, становятся общеизвестными, они перестают быть новыми.

Неологизмы – новые слова, но такие, которые не потеряли ещё своей новизны. Ведь даже очень старые слова по своему возникновению слова когда-то, в момент своего появления в языке были новыми.

1. Gooseberry bush

Куст крыжовника. На вопрос ребёнка: «Мама, откуда я появился?» часто был готов ответ: «Тебя нашли в крыжовнике». Фраза *to play gooseberry* («играть в крыжовник») означает быть нежелательным третьим лицом, т.е. третьим лишним в обществе двух влюблённых.

2. Fly on the wall

«Муха на стене». Это словосочетание в настоящее время чаще используется как прилагательное и относится к телевизионной программе, которая посвящена событиям реальной жизни и живым беседам: *a fly on the wall documentary* (достоверный документальный фильм). Если вы говорите, что хотели бы быть *a fly on the wall* в момент какого-либо происшествия, вы имеете в виду, что желали бы сами слышать и видеть всё в деталях

3. Hocus-pocus

Любой набор слов или любое действие, направленное на обман, надувательство. Это выражение появилось лишь в XVII в. и является первыми словами из «тайного» заклинания колдуна или фокусника, которое обеспечивает успех колдовства или фокуса. Полная фраза - *Hocus pocus, toutous talantos, vade eclerita jubes* – выдуманная молитва на якобы латинском языке. Слово *hokum*, сокращённая форма слова *hocus-pocus*, может означать книгу, фильм, не требующего серьёзного внимания

4. Dutch

Слово *Dutch* встречается в некоторых английских выражениях, часто с отрицательным значением. *Dutch courage* – храбрость во хмелю, пьяная удаль; *a Dutch treat* – пир, на котором хозяин напивается первым; *a Dutch nightingale* (голландский соловей) – лягушка.

5. Soap

Мыло. *Soap opera* означает «мыльная опера». *Soft soap* – лесть, комплименты... А выражение русских болельщиков «Судью на мыло», адресованное арбитру, переводится как «*Come off it, ref!*»

6. Maiden

Дева, девица. В ряду постоянно употребляемых разговорных выражений слово maiden (молодая, невинная, неискушённая девушка) часто используется как прилагательное слова «девственный». В мире конских скачек a maiden – это лошадь, ни разу не выигравшая скачек. В критике a maiden over – это серия бросков, не дающая очков. A maiden castle или a maiden fortress (крепость, бастион) – это те сооружения, которые никогда не были захвачены врагом. Первое плавание нового корабля называют maiden voyage, а первая речь депутата в палате общин называется maiden speech.

7. Lemon

Все мы знаем, что лимон – это фрукт. Однако lemon также обозначает неприятного человека или негодную, бросовую вещь. При таком широком значении этого слова маловероятно, что иностранец сможет быстро выбрать нужное ему значение. Lemon во втором значении чаще всего употребляется в словосочетании I/he/she/we/you/they felt a или such a ,или a complete lemon, когда речь идёт о какой-либо конфузной ситуации.

Как говорил А. В. Кунин «фразеология – это сокровищница языка», и фразеологизмы в языке являются богатством. Фразеологизмы не только отражают культуру и быт того или иного языка, но и помогают сделать речь наиболее выразительной и эмоциональной.

Изменяется жизнь людей, их нравы, происходят изменения и в словарном составе языка. ... Однако, давайте не будем равнодушны к СЛОВУ на каком бы языке оно не звучало! Ведь сначала было СЛОВО!

Литература

1. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. - М.: Международные отношения, 1996, 183 с.

2. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2001, 264 с.
3. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. - М.: Наука, 1986, с. 243
4. Журнал «ИЯШ»

ТИПОЛОГИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СОКРАЩЕНИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РУССКУЮ КОММУНИКАЦИЮ

С. И. Хачатурова

*Санкт-Петербургский Государственный Университет,
факультет политологии, г. Санкт-Петербург, Россия,*

ha4aturova.stella@ya.ru

Интернет сегодня представляет собой целый мир, посредством которого мы обмениваемся информацией со всеми жителями нашей планеты. Интернет является новой сферой нашей жизни, но с появлением новых сокращений электронной коммуникации, возникает необходимость систематизации знаний о сокращениях. Актуальность данного исследования объясняется необходимостью создания классификации англоязычных аббревиатур и сокращений, используемых в процессе электронной коммуникации, в связи с увеличением роли сети Интернет.

Изучение аббревиации имеет свои давние традиции, как в отечественном, так и в зарубежном языкознании. Теоретической базой исследования послужили работы, посвященные теории аббревиации С. Н. Могилевского, Д. И. Алексева, Е. П. Волошина, а также типологическим исследованиям сокращений, лингвистике Интернета Берлисона, А. Е. Войскунского, В. В. Виноградова, Е. Н. Галичкиной.

На основе двухлетнего исследования были обобщены и классифицированы сокращения английского языка.

Вид сокращения	Определение	Английский язык
Сигли	Состоят из первых букв слов или словосочетаний	n.d.-no date n.m.-never mind
Суспенсии	Представляют собой вариант исходных слов (1 слог)	Diff- difference App- Application program
Контрактуры	Состоят только из согласных звуков	Pls-please Msg- message
Фоноидеогаммы	Состоят из нескольких знаков и могут включать цифры	J4f- just for fun T2u18r- talk to you later
Слоговые	Состоят из одного из слогов слова	Sci- science Bot- robot
Сложнослоговые	Состоят из одного из слогов словосочетания	Bignum- big numbers Compunication- computer communication
Инициальные	Состоят из первых букв слов или словосочетаний в основном имен собственных	IP- Internet protocol MUD- multi user domain

В языке русских пользователей очень резко ощущается влияние англоязычного интернета.

ИМХО (генезис: in my humble opinion -> ИМНО -> ИМХО -> имхо) – вот, пожалуй, самое распространенное и прочно укоренившееся сокращение в русскоязычных чатах и на форумах. Первоначальное значение «по моему

скромному мнению» давно расширилось до всеохватного «по-моему».

Любые англоязычные нюансы типа AISI (as I see it), IMNSO или IMNSHO (обе - in my not so humble opinion) не воспринимаются никем в упор. Кое-кем по старой памяти еще употребляется простое IMO (in my opinion) – причем каждый раз автора теперь упрекают в том, что он, оказывается, пропустил «Н». Гомерический хохот в ответ уже никого не убеждает, так как легко срезается аргументом «и охота же тебе переключаться на латиницу – пиши как все, кириллицей». А кириллическое ИМХО превратилось в имхо, причем последнее даже начало склоняться: «Не смотря на ваши имхи у меня есть свое имхо».

Точно такие же превращения наблюдаются и в случае употребления AFAIK (as far as I know, «насколько я знаю»): «мне не нужны твои афайки, мне нужны факты».

А вот группа прямых аббревиатур-калек, где английский вариант – сокращение, а наш – уже жаргонизм:

INET = инет (Интернет)

AKA (also known as) = ака (известный, также, как)

PLS = плз, плиз (пожалуйста)

RULEZ = рулэз (типа отпад)

ICQ = аська, ицца (программа-пейджер)

E-MAIL = мыло (эл.почта – слышал я, кстати, шикарный вариант «емеля», жаль, что он не прижился)

RL = реал (реальная жизнь)

LOL (laughing out loud) = лол («громкий смех»)

SPAM = спам (непрощеная рекламная почта)

Несмотря на различия того или иного типа графических и лексических сокращений, одна группа всегда остается неизменной. Как известно, знаки препинания совпадают практически во всех языках. Они-то и создают эту группу: эмодзи, или, как привыкли говорить пользователи Интернета, смайлики:

:-) или =) или :) улыбка, радость

:-(или =(грусть, печаль
:-| задумчивость или нейтральность
:-D или :D смех
O или * _ * или ** восхищение
XD или xD смех с зажмуренными глазами
:-C или :C сильное огорчение :-/
:-\ недовольство, озадаченность или обида
:-e разочарование и др.

Люди в разных концах света поймут одинаково тот или иной смайлик, несмотря на языковой барьер.

С целью выявления уровня осведомленности и степени значимости английских сокращений и аббревиатур нами было проведено небольшое практическое исследование, в котором принимало участие 100 человек, разных возрастных категорий. В качестве методов исследования использовались анкетирование и устный опрос. В ходе исследования реципиентам были предложены следующие вопросы:

- 1) Пользуетесь ли вы Интернетом?
- 2) С какой целью вы пользуетесь Интернетом?
- 3) Сталкивались ли вы с подобными сокращениями в электронной коммуникации?
- 4) Знаете ли вы их значение?
- 5) Используете ли вы их в процессе общения в сети Интернет?

б) Где вы пытаетесь найти информацию в случае затруднения с интерпретацией англоязычных аббревиатур?

Из показателей видно, что группа 12-25 лет наиболее часто использует такие англоязычные сокращения, именно эта возрастная категория сталкивается с меньшим количеством трудностей перевода сокращений, имеет меньшую степень необходимости обращаться к словарям или электронным источникам.

Возрастная группа от 25-40 лет сталкивается со сравнительно большими трудностями при переводе, используя словари и электронные справочники.

Таким образом, показатели получились разные, но убедились мы в одном: разнообразие сокращений довольно велико, многие из нас сталкиваются с ними ежедневно. С каждым днем увеличивается влияние «всемирной паутины» на жизнь человека, увеличивается и необходимость понимать такие сокращения, свободно ими пользоваться в электронной коммуникации.

Одной из особенностей лексического фонда Интернета является образование и широкое использование различного вида лексических и графических сокращений. Из-за постоянно ускоряющегося темпа общения в Интернете появляется необходимость передать максимальное количество информации в единицу времени. Это реализуется посредством принципа экономии языковых усилий, что более явно выражается в использовании большого количества аббревиатур.

В ходе исследования было установлено, что на разных уровнях в языке электронной коммуникации используются сокращения, образованные по различным моделям свертывания слов: сигли, суспенсии, контрактуры, фоноидеограммы, эмограммы и т.д. При этом наиболее часто встречающимися являются сигли и эмотиконы.

Было выяснено, что при создании сокращений основной тенденцией является ориентация на начальную часть слова, начальную часть корня, начальную букву, приставку и т.д. При этом мы убедились в большом влиянии английской лексики на русскую, что обусловило появление новых групп сокращений в русском языке. Анкетирование же показало, что наиболее частым и распространенным такой вид общения встречается у людей возрастной категории от 12 до 25 лет. Это доказывает актуальность данной темы, указывая на то, что

подобные сокращения представляют собой новый, огромнейший, постоянно растущий и развивающийся пласт лексики английского языка, не имеющий аналогов в прошлом.

СЕКЦИЯ 4. Романские языки

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ДИРЕКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Л. Ф. Львова

*Львовский национальный университет имени Ивана Франко,
Львов, Украина, larissa.lvova@gmail.com*

Цель общения состоит в том, чтобы каким-то образом изменить состояние адресата, вызвать определенную вербальную, физическую, умственную или эмоциональную реакцию. Такое влияние на адресата возможно благодаря языковым средствам, используемым адресантом в зависимости от своего намерения и состояния адресата. Рассмотрим особенности употребления директивных речевых актов, целью которых является попытка давления на адресата, побуждение его к определенным действиям.

Согласно теории речевых актов форма императива приравнивается к одному или нескольким иллокутивным актам, которые подчиняются трем критериям, предложенным Дж.Остином для определения иллокутивного акта, а именно: имеет конвенциональный характер, осуществляется в момент высказывания и может быть перефразировано перформативной формулой типа «я приказываю, чтобы...» [5, с.9]. Несмотря на то, что перформатив может служить, так же как и императив, для

осуществления актов требования, приказа, рекомендации, просьбы и т.п., эти формы не могут ассимилироваться между собой. В отличие от перформатива, императив не обозначает только одну силу. Он может указывать на такие акты как упрекать, рекомендовать, предупреждать, разоблачать, угрожать, умолять, одобрять и т.д. [2, с.189]. Именно эта особенность и создает проблемы с точки зрения семантики императива. Если перформативное высказывание можно описать как такое, что служит для осуществления одного акта, лексически обозначенного глаголом “*J’ordonne...*”, “*je conseille...*” “*je préviens...*”, тогда императив должен происходить от нескольких перформативов. Разнообразные глубинные структуры, в зависимости от избранного перформативного глагола, порождают императивные высказывания, необходимые для осуществления акта просьбы, совета, угрозы, предостережения: “*Sois gentil, et tu auras ma permission. Suivez votre guide, sinon vous vous perdrez. Priez, sinon vous serez damné. Mets ton imperméable, il va pleuvoir.*”

Как заметил Ш. Балли, если вы хотите, чтобы кто-то подошел к вам, вы не всегда это говорите одинаковым образом, ваше высказывание будет меняться в зависимости от отношений между вами и особой, к которой вы обращаетесь и от степени согласия/ несогласия, которое вы предвидите с ее стороны; отсюда и различные формулы: *Venez!* – *Voulez-vous venir?* – *Ne voulez-vous pas venir?* – *Vous viendrez, n’est-ce pas?* – *Dites-moi que vous viendrez!* – *Si vous venez – Vous devriez venir!* – *Venez ici!* – *Ici!* – *Voulez-vous bien venir!* и т.д. [6, с.30].

Как видно, императив в соответствующих контекстах может служить одновременно для осуществления актов просьбы, рекомендации, предостережения, напоминания, угрозы и даже упрека. Это означает, что императив “*Venez!*” может происходить от таких структур: “*je vous demande/ conseille/ invite/ ordonne de venir*”. Учитывая разные значения перформативных глаголов, можно сказать, что императив

- неоднозначный. Но с иллокутивной точки зрения это не значит, что он воспринимается как неоднозначный, даже если адресат не всегда может определить его точную силу.

Можно определить основной акт, а остальные акты рассматривать как производные от него. Имплицитным характером своего иллокутивного значения императив выражает лучше и разнообразнее оттенки отношения адресанта, нежели соответствующий перформатив, который имеет фиксированный смысл, независимо от контекста, и не подчиняется, как императив, основной ориентации дискурса. Императив может обозначать уступку, тогда как это не происходит с перформативом:” *“Débrouille-toi puisque tu y tiens!”/(Je t’ordonne de te débrouiller puisque tu y tiens!) D’accord, vas-y sans perdre de temps!/ (D’accord, je t’ordonne d’y aller sans perdre de temps!).* Гипотетическая форма также не может реализоваться перформативной. Она больше подходит к угрозе или к просьбе, за которыми следует обещание: *“Fais un pas et je t’assomme!” (je t’ordonne de faire un pas et je t’assomme!).* [8, с.8].

Таким образом, перформативный анализ маскирует специфику императива, а именно, его вариативный иллокутивный потенциал, ассимилируя его с перформативным глаголом.

Императив может сопровождаться наречиями, которые эксплицируют иллокутивное значение высказывания и делают несвойственной транспозицию в перформативную форму: *D’après moi, va le chercher à 8 heures, pas avant! Reviens, à mon avis, dans une semaine, il sera mieux disposé.* Здесь наречия указывают на высказывания со значением рекомендации, выражения мнения. В императивных высказываниях также часто присутствуют вопросительные формулы, вводные слова: *Ne ronges pas tes ongles, veux-tu? Veux-tu venir? Vas-tu rester tranquille? Tu ne t’arrêteras pas?*

Возможности императива выражать несколько актов создает трудности для семантического анализа.

Попробуем проследить, как с помощью языковых средств, можно определить значение осуществленного акта. Некоторые языковые элементы часто ассоциируются с императивом, когда он служит для приказа, но также для рекомендации, просьбы и т.п. Однако, эти элементы не имеют той функции, которую хотели бы им придать. Они служат скорее для разъяснения, для усиления иллюкативной силы императива. Среди них фигурируют наречия, вводные слова, типа: *Viens ici tout de suite, as-tu compris?* Такие высказывания указывают на принуждение, осуществленное адресантом. Для осуществления приказа, требования, глагол сопровождается часто такими языковыми элементами, значение которых проявляется не столько в переданной информации, как в выполнении постоянной настойчивости. Усиление такого рода способствует утверждению авторитета адресанта, чтобы вызвать подчинение адресата. Однако, в высказываниях типа: *Vite, fais tes devoirs! Mange-le donc!*, где больше чувствуется настойчивость, нежели авторитет адресанта, становится труднее определить, какой акт осуществлен: приказание, приглашение или просьба? Только ситуация, в которой актуализируется высказывание, позволяет определить: если нет конфликта между ее участниками, приказание можно сместить. Но и высказывание: “*Va-t'en parce que tu m'ennuies*”, нельзя рассматривать с уверенностью как приказ. Несмотря на неприятный для адресата смысл, который способствует возникновению конфликтной ситуации, интонация может соответствовать рекомендации или приглашению. Побудительный императив может дополняться конструкциями: *Veux-tu?, s'il te plaît*, тем самым придавая адресату свободу решения относительно предложенного действия: “*André, s'il te plaît, tais-toi!*”; “*Jette ça tout de suite, veux-tu?*” Интонация выполняет важную роль при определении осуществленного акта, что свидетельствует о том, что сам глагол и, даже все высказывание, не способны точно идентифицировать отношение адресанта, тогда берется во

внимание вся ситуация. Однако, приказание исчезает, если императив употребляется в первом лице (*Allons au théâtre!*). Если адресант становится агентом действия, он не может себя принуждать приказом.

Пассивная форма ограничивает употребление императива, завися полностью от своего основного значения. Императив употребляется в пассивной форме только с глаголом *faire*: *Fais-toi obéir par tes étudiants!* Здесь чувствуется не приказ, а скорее призыв. Однако, в высказывании “*Fais-le taire!*” наблюдается уже агрессивность. Часто бывает трудно идентифицировать акты с помощью только языковой структуры высказывания, использование глагола *faire* не гарантирует отличить приказ от рекомендации. [8, с.12].

Безусловно, именно в контексте предоставляется больше информации о намерениях адресанта и его отношениях с адресатом.

Императив всегда ассоциируется с действием в языке. Это, прежде всего, иллокутивный акт, осуществляемый с помощью языковых средств, с целью модификации ситуации между ее участниками. При этом императивная конструкция отражает общее значение побуждения, конкретизируемое с помощью лексики. С точки зрения глагольных форм императив рассматривают как потенциальное или волеизъявительное наклонение, с точки зрения теории речевых актов – как минимальное адресованное побудительное высказывание в языковой/речевой зоне *я-ты-отношений*.

Таким образом, императив с позиции речевых актов интересен в парадигме перформативных высказываний с широким интенциональным значением побуждения. [4, с.133]. Основное назначение императива – побуждение к действию, а не информация. Императивные высказывания владеют иллокутивной силой побуждения адресата и призваны вызывать его реакцию в форме действий или высказываний (*Je veux – tu dois*), [4, с.144].

Проанализированные основные директивные акты и вызванные в них речевые интенции показывают, что они отличаются разной степенью интенсивности. Побуждая адресата к действию, адресант тем самым проявляет свое волеизъявление. Просьба, как и приказ, иллюстрируют попытку побудить кого-то что-то сделать, однако степень принуждения и выбор реакции, а именно, допустимость отказа, у них разные. Адресат в ситуации просьбы воспринимается как особа, которая не обязана, а только может удовлетворить желание адресанта.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Едиториал УРСС, 2002.
2. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып.17.- М., 1986 .
3. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов// Новое в зарубежной лингвистике. - Вып.17.- М., 1986.
4. Формановская Н.И. Речевое общение: Коммуникативно-прагматический подход. – М., Рус. яз. 2002.
5. Austin, J.L. Quand dire c'est faire, Seuil, Paris, 1970.
6. Bally Ch. Le langage et la vie, Paris 1926.
7. Ducrot, O. Dire et ne pas dire, Hermann, Paris, 1975.
8. Forget D. Eléments pour une description sémantiques de l'impératif », Cahier de linguistique, № 7, 1978, p.1-30.

СЕКЦИЯ 5. Теория языка

ЭЛЕМЕНТЫ УСТНОГО И ПИСЬМЕННОГО ДИСКУРСОВ В ИНТЕРНЕТЕ

Ю. В. Балакина

НИУ ВШЭ Нижний Новгород, г. Н.Новгород, Россия

julianaumova@gmail.com

В настоящее время Интернет настолько прочно вошел в жизнь общества, что сейчас уже невозможно представить, как мы без него обходились всего лишь пару десятков лет назад. В связи с тем, что количество постоянных пользователей Сети растет ежедневно, а также увеличивается время, проводимое в Сети, реальная устная коммуникация замещается виртуальным общением, с его собственной спецификой. Здесь, с точки зрения текстовой лингвистики, мы можем говорить о возникновении особых типов текста, объединяющих в себе черты письменного и устного дискурсов.

Понятия *концептуального устного дискурса*, как коммуникации в непосредственной физической близости говорящих и *концептуального письменного дискурса*, когда говорящие находятся на расстоянии друг от друга, впервые были представлены Кохом и Остерайщем [1]:

Устный дискурс	Письменный дискурс
<i>Пространственная близость говорящих</i>	<i>Пространственная отдаленность участников коммуникативного акта</i>
<i>Секретность (только для участников коммуникативного акта)</i>	<i>Публичность</i>
<i>Эмоциональность</i>	<i>Отсутствие средств для выражения эмоций</i>
<i>Вовлеченность в ситуацию</i>	<i>Изолированность от ситуации</i>
<i>Форма диалога</i>	<i>Форма монолога</i>
<i>Спонтанность</i>	<i>Обдуманность</i>

Проанализировав представленные в таблице характеристики, можно предположить, что Интернет-тексты гармонично сочетают в себе характеристики обоих видов дискурса, а именно:

Во-первых, неоспорим тот факт, что тексты в Интернете являются *публичными*, т.к. сама суть Глобальной Сети заключается в предоставлении свободного доступа к любой информации. Также, *пространственная отдаленность участников коммуникативного акта*, не может вызывать сомнений. Канал связи автора текста с читателями играет огромную роль, т.к. участники коммуникативного акта общаются не напрямую, а с помощью технических средств, согласно формуле: продуцент – текст – реципиент. И здесь мы говорим о дистанционной коммуникации, обусловленной компьютером.

Данные характеристики Интернет-текстов определяют их принадлежность к письменному дискурсу, однако далее необходимо представить элементы, которые выводят Интернет-тексты за рамки письменности и ставят их на границе между устной культурой и письменной.

Одной из основных характеристик устного дискурса является *эмоциональность*. В живом общении собеседники для выражения эмоций прибегают к различным паралингвистическим средствам. Собеседники в Интернете лишены подобной возможности и поэтому очень часто используют графо-стилистические средства, которые способны передавать эмоции говорящего ничуть не хуже традиционных паралингвистических средств.

Самым распространённым графо-стилистическим средством являются смайлы, ещё более широкий спектр эмоций передают эмодзи, как статичные, так и подвижные. Кроме того, часто используются междометия и восклицания. Стоит также упомянуть звукоподражательные средства и специальные символы-звездочки, которые призваны воссоздать атмосферу живого общения и сымитировать эффект присутствия.

Данные средства, порой, могут выразить даже больший спектр различных эмоций, чем непосредственный участник живого коммуникативного акта смог бы сделать с помощью мимики и жестов.

Следующая характеристика - это *вовлеченность в ситуацию*, которая является неотъемлемой частью любого коммуникативного акта с двумя и более участниками. С другой стороны, основная цель автора любого письменного текста - это представление информации, а реципиент выступает только в роли получателя данной информации, безотносительно конкретной ситуации и места действия. Авторам Интернет-текстов доступно создание эффекта личного присутствия, с помощью прямых обращений, детального описания места действия. Таким образом, в данном случае также можно говорить о наложении черт устного и письменного дискурсов в Интернете.

Следующий пункт – это диалогическая форма устного общения лицом к лицу и, соответственно, монологическая, в отношении письменного коммуникативного акта, а также, обмен ролями между участниками. Широкий спектр Интернет-текстов подразумевает ведение диалога между участниками, иногда даже в режиме реального времени. Например: чаты, форумы, различные виды блогов, где есть возможность оставлять комментарии, электронные письма (e-mails), с возможностью быстрого ответа, обмен сообщениями в социальных сетях и т.п.

Стоит также упомянуть *спонтанность*, как характеристику устного дискурса, и противопоставить ей *обдуманность*, как неотъемлемую часть письменной речи. Традиционно считается, что *спонтанность*, как реакция на ситуацию, присуща только устной речи, т.к. для создания письменного высказывания необходимо преобразовать информацию, обработать её и только затем воплотить в письме. Однако, с появлением Интернет-текстов, таких как сообщения в блогах или твиттерах,

целью которых и является спонтанность высказываний, грань между устным и письменным дискурсом стала ещё более тонкой.

Не смотря на представленные выше характеристики нельзя однозначно утверждать, что черты устного дискурса преобладают в Интернет-текстах, это далеко не так. Данные типы текстов находятся в промежуточной стадии и только начинают формироваться в отдельный класс, таким образом, сохраняя в себе черты традиционного письменного дискурса, но с другой стороны неся в себе много нового и ранее не изученного в текстовой лингвистике, например черты устного дискурса.

Литература

1. Koch, P.; Oesterreicher, W. *Gesprochene Sprache in der Romania: Französisch, Italienisch, Spanisch.*- Tübingen: Niemeyer, 1990.
2. Balakina J. *Anglicisms in Russian and German Blogs: a Comparative Analysis.* - Frankfurt am Main: Peter Lang, 2011.

МЕХАНИЗМЫ ОТКАЗА ОТ ОБЩЕНИЯ

М. А. Гуляева

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, [Россия, maryilya@yandex.ru](mailto:maryilya@yandex.ru)

Отказ от общения является неотъемлемой частью процесса коммуникации, который не всегда направлен на поддержание отношений. Важно не только уметь вести диалог, но и понимать каким образом целесообразнее его закончить, не оказывая при этом деструктивного влияния на межличностные отношения. Несмотря на то, что современные лингвисты придают большое значение изучению различных аспектов и параметров

человеческого взаимодействия, языковая составляющая отказа от общения остается практически неизученной. Полагаем, что подробное рассмотрение этой темы будет способствовать предотвращению коммуникативных неудач и оптимизации взаимопонимания между людьми.

Цель настоящей статьи - рассмотрение механизмов отказа от общения как коммуникативного поведения, а также определение отказа от общения как коммуникативного понятия.

В своей работе мы рассматриваем отказ от общения как коммуникативный акт межличностной коммуникации. По мнению ван Дейка, коммуникативный акт является минимально различимой единицей коммуникативного поведения и включает «речевой акт говорящего, аудитивный акт слушающего и коммуникативную ситуацию [4]. В нашем исследовании отказ от общения рассматривается в качестве акта говорящего, при этом во внимание принимается акт слушающего, а именно обратная связь, а также условия, в которые помещено общение.

Чтобы нагляднее продемонстрировать, что из себя представляет коммуникативный акт отказа от общения, и обозначить его рамки и критерии, нам представляется целесообразным рассмотреть классическую модель коммуникации, которая предполагает наличие отправителя и получателя информации, сообщение, передаваемое адресату, канал связи (любая физическая среда) и обратную связь. Эти базовые компоненты входят в состав всех теоретических моделей коммуникации. Далее, сопоставим ее с изучаемым явлением отказа от общения.

Для отказа от общения необходимо как минимум два человека, которые и будут являться отправителем и получателем. Отправитель с помощью определенного кода передает сигнал о нежелании продолжать или вступать в коммуникацию. Получатель принимает данный сигнал по каналу связи и расшифровывает его код

(интерпретируя сообщение). Далее следует его реакция или обратная связь. Так в идеале выглядит коммуникативный акт отказа от общения. Однако, данная модель по мнению М.Л. Макарова не способна адекватно описывать реальные процессы коммуникации, так как понимание предполагает нечто большее, чем только декодирование. «Само по себе декодирование локализуется там, где акустический сигнал переходит в языковой образ, однако интерпретация высказывания на этом этапе не заканчивается» [4 с.35] Мы стоим на позиции интеракционного подхода, который ставит именно взаимодействие в центр своего анализа. В основе такого подхода лежит допущение о том, что наряду с преднамеренно сообщаемой информацией в коммуникативном процессе имеет место и непреднамеренное содержание [4, с.32-40]; [3, с.15]. «Общение может состояться независимо от того, намерен ли «говорящий» это сделать, а также независимо от того, рассчитано ли данное высказывание на восприятие «слушающим» [3, с.38]. Любая форма поведения — «действие и бездействие, речь и молчание в определенной ситуации может оказаться коммуникативно значимой» [2, с. 79]. Намеренность и ненамеренность передачи информации оказывают влияние на весь коммуникативный акт. Э. Гоффман [цит. по 4] различал информацию, сообщаемую преднамеренно (*information given*), и информацию, сообщаемую непреднамеренно (*information given-off*). Если участием в коммуникативном процессе первый тип информации обязан прежде всего говорящему, который отбирает эти смыслы, придает им форму и излагает их в соответствии со своими интенциями; то информация второго типа оказывается в долгу у реципиента, а именно его восприимчивости, избирательности и способности к интерпретации. Как раз *интерпретация* становится в интеракционной модели критерием успешности и главным предназначением коммуникации в отличие от распространённого

представления её основной функции как «достижения взаимного понимания» [4].

Следовательно, отказ от общения может рассматриваться и в условиях ненамеренного общения, когда отправитель неосознанно посылает сигнал о желании прервать коммуникативный процесс или не вступать в него. Покажем возможные варианты актуализации коммуникативного акта отказа от общения:

1. Отправитель осознанно посылает сигнал о желании прервать коммуникативный процесс или не вступать в него. Сообщение успешно получено и правильно интерпретировано получателем.

Когда я, горя любовью, предложил ей развестись с мужем и выйти за меня, она рассмеялась недобрый смехом и сказала:

- Пошел вон.

На этом закончились наши отношения (В.Познер. Прощание с иллюзиями).

2. Отправитель осознанно посылает сигнал о желании прервать коммуникативный процесс или не вступать в него. Сторона по той или иной причине не получает это сообщение. Возможными причинами могут послужить нарушенный канал связи или неправильное декодирование сообщения. Однако, это не отменяет причисление коммуникативного акта к номинации Отказ от общения, а лишь подчеркивает определенную специфику.

Примеры такого отказа часто могут быть комичными, как в следующей ситуации. Слишком воспитанная женщина не может избавиться от надоедливой собеседника, который не замечает ее желание закончить скучный разговор.

Я попала в переплет. Милый и интеллигентный с виду человек взялся обстоятельно, не пропуская ни детали, ни минуты, описывать собственную жизнь, аккуратно от момента счастливого зачатия. Когда он подошел к своему появлению на свет, я уже была в

обмороке. Понимая, что впереди меня ждут еще лет 60 этой бондианы, я отпросилась в туалет.

Следующие два часа я только и делала, что металась между дамской комнатой и столом. Мне хотелось смыть саму себя в унитаз, но я цепляла на обезображенное гримасой крайней заинтересованности лицо вымученную улыбку и плелась обратно. Конечно, я надеялась, что за время моего отсутствия кровосос найдет себе новую жертву. Как бы не так (Э.Чаланзия. Каблуки в кармане).

3. Ненамеренная передача сообщения о нежелании участвовать в коммуникативном процессе и его соответствующая интерпретация адресатом также может быть отнесена к отказу от общения. Отправитель неосознанно посылает сигнал о желании прервать коммуникативный процесс или не вступать в него. Это может проявляться в его пассивном участии в беседе, незаинтересованности, отвлеченном взгляде, невербальном поведении. При этом сам отправитель таких сообщений не подозревает, что его действия могут быть интерпретированы как отказ от общения. У него нет намерения показать собеседнику, что разговор нежелателен. Все же сторона интерпретирует его сигналы как отказ от общения.

Она не хотела его отпускать, но видя, как он переминается с ноги на ногу, понимала: ему не терпится бежать (К.Бушнелл. Все на продажу).

Однако, всегда существует риск неправильной интерпретации или принятия за сигнал отсутствие сообщения как такового. Например, знакомый прошел мимо и не заметил. Возможно, он действительно не заметил, а сторона интерпретировала такое поведение как нежелание разговаривать. В таком случае невозможно говорить об отказе от общения. В ситуации, если он намеренно прошел мимо, и это было замечено, отказ от общения имеет место.

На следующий день Роза Борисовна не ответила на служкино «здрате». И на другой день тоже. А потом Служкин и сам перестал здороваться (А.Иванов. Географ глобус пропил).

4. Отправитель осознанно посылает сигнал о желании прервать коммуникативный процесс или не вступать в него, при этом его сообщение преследует любые другие цели за исключением разрыва коммуникации. Человек тем самым желает привлечь к себе внимание, инициировать беседу, показать обиду, выяснить отношения, манипулировать собеседником и т.д.

В следующем примере, можно пронаблюдать, как с помощью отказа от общения выражается чувство глубокой обиды:

Жена спрашивает у мужа:

– Скажи только честно, у тебя есть женщина?

– Это ты серьезно спросила? Нет. А у тебя?

– (изумленный взгляд) У меня? (резко разворачивается и уходит)(х/ф «Измена»).

В данном случае, сторона, отказывающаяся продолжать разговор, демонстрирует тем самым как она оскорблена вопросом, показывая свою обиду, она провоцирует мужа на то, чтобы он побежал за ней, стал просить прощение, почувствовал свою вину. Именно это и происходит.

Таким образом, важно отметить, что отказ от общения может рассматриваться как коммуникативный акт не только в том случае если в основе его лежит коммуникативное намерение или интенция не вступать в коммуникацию. Речь идет об осознанной или неосознанной передаче сообщения о нежелании общаться, а не о самом намерении прекратить общение. При этом могут преследоваться иные цели, где сообщение об отказе от общения может быть своего рода манипуляцией, частью стратегического плана коммуниканта.

Наличие обратной связи играет существенную роль, так как она является неотъемлемой частью коммуникативного процесса. Важность заключается в ее проявлении. Под обратной связью мы понимаем реакцию собеседника на сообщения отправителя. В нашем исследовании обратная связь может как служить сигналом незаинтересованности в общении, желания прервать коммуникацию, например «бессловесная» обратная связь может предупредить о том, что нужно изменить свое поведение, прервать контакт или сделать что-то другое, чтобы достичь нужного результата [1, с.48], так и быть реакцией на сообщение о намерении прекратить общение.

Таким образом, вышеизложенное позволяет определить **отказ от общения как такой коммуникативный акт, при котором отправитель сознательно или бессознательно демонстрирует намерение прервать коммуникативный процесс или не вступать в него с помощью определенного коммуникативного действия или его значимого отсутствия, а получатель в независимости от адекватности интерпретации посланного сигнала реагирует на него с помощью обратной связи.**

Литература

1. Гойхман О. Я., Надеина Т. М. Речевая коммуникация: Учебник/Под ред проф. О. Я. Гойхмана. — М.: ИНФРА-М, 2003. — 272 с
2. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. – М.: «Гнозис», 2006.— 376 с.
3. Карасик В.И. Языковые ключи. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 520 с.
4. Макаров М.Л. Основы теории дискурса: моногр. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.

СЕКЦИЯ 5.

Прикладная и математическая лингвистика

КОНФРОНТАЦИЯ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Е. В. Малышкина

*Северо-Кавказский Федеральный Университет,
г. Пятигорск, Россия, soft_25@mail.ru*

Известно, что стихотворной речью дано владеть не каждому. Поэтическая художественная речь – это не просто владение речью, но владение словом как искусством. Естественно, что и создавать ее может не каждый. Существуют различные пути изучения поэтической речи. Выделяют несколько направлений, по которым идет изучение поэзии на современном этапе.

Путь литературоведческий, изучающий жанры, тематику, образы и образно-поэтические средства стихотворений. Однако в последнее время, в особенности с развитием лингвостилистики, усиливается тенденция языковедческого изучения поэтической речи, когда авторы рассматривают поэтическое творчество в ряду всех остальных функций, выполняемых естественными языками, а стихотворную речь, следовательно, как объект лингвистического анализа.

Конфронтация лингвистики и литературоведения уступает место некоторому взаимопониманию. Современное литературоведение, исследуя поэтику отдельных авторов, не может не придти к рассмотрению языка в его взаимодействии с произведением в целом и, таким образом, идет навстречу лингвистики. Объективные факты развития науки настоятельно требуют объединения усилий лингвистов и литературоведов. Художественный текст должен рассматриваться комплексно.

Лингвист и литературовед на одном и том же материале решают чаще всего разные задачи. Анализируя

стиль произведения или ряда произведений одного или ряда авторов, лингвист приходит к общезыковым выводам. Опираясь на общезыковые закономерности, литературовед приходит к эстетическим выводам о стиле автора или ряда авторов одной школы. И, наконец, анализируя одно произведение, приходит к важнейшей проблеме единства формы и содержания. Всякое исследование в области поэтики предполагает некоторое знакомство с наукой о языке и, следовательно, строится в первую очередь на особом использовании языка.

Тем не менее, лингвисты, решившие взяться за изучение поэтического языка, встречают резкий отпор со стороны литературоведов, многие из которых вообще оспаривают права лингвистов исследовать поэзию. В крайнем случае, они соглашаются признать лингвистику вспомогательной дисциплиной, обслуживающей поэтику. Все эти ограничения и запреты основываются на предрассудке, который либо лишает лингвистику ее главного объекта – изучения вербальной формы вкупе с ее функциями, – либо оставляет за лингвистикой право на изучение лишь одной из многочисленных функций языка, а именно функции референции.

К грубым ошибкам приводят и другие предрассудки, также объясняющиеся недооценкой современной лингвистики и ее задач. Так, литературоведы уверены, что лингвистический анализ ограничивается узкими пределами фразы и, следовательно, не дает лингвисту возможности исследовать композиции стихотворений в целом.

Современных лингвистов а первую очередь интересуют семантические аспекты всех уровней языка, и если они пытаются описать «как сделано стихотворение», то значение этого стихотворения входит в исследование как одна из составляющих целого. [1] Таким образом, литературоведы не правы, считая, что семантическое исследование поэтического высказывания не входит в компетенцию лингвистики.

Хотя литературоведы приписывают лингвистам стремление «считать поэтическое высказывание отклонением от нормы», на самом деле отклонение от нормы – это сама точка зрения литературоведов. Предмет занятий лингвиста, анализирующего стихотворный текст, - «литературность», или, иначе говоря, превращение речи в поэтическое произведение и система приемов, благодаря которым это превращение совершается. Вопреки обвинениям литературоведов метод, о котором идет речь, помогает специфике исследуемого «литературного высказывания», давая одновременно материал для широких обобщений. [2]

Стихотворная речь – особый стиль не просто литературного языка, а языка специфической группы художественных произведений, поэтому и стихотворение можно вправе считать отраслью литературоведения. Но опирается оно как на данные лингвистики, так и литературоведения.

Литература

1. Диброва Е.В. Теория текста и традиционные проблемы поэтики. / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8, -М.: Алмаз, 1998.
2. Баданова И.Г. Теоретические и прикладные аспекты лингвистического анализа. -М.: Кроссмедия, 1998.

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
У РАБОТНИКОВ СФЕРЫ СЕРВИСА
ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ**

Т. В. Щитова

*Филиал Северо-Кавказского федерального университета
в г. Пятигорске, Россия, E-mail: mail-tan@mail.ru*

Включение России в мировой рынок и связанное с этим расширение сотрудничества с зарубежными странами значительно увеличили возможность контактов для представителей различных социальных и возрастных групп. Появились реальные условия для получения образования и работы за рубежом, для продвижения российских товаров и услуг на мировой рынок, для обмена преподавателями, студентами и специалистами. Вследствие этого изменилась роль иностранного языка в обществе, и из учебного предмета он превратился в базовый элемент современной системы образования, в средство достижения, профессиональной реализации личности.

Овладение иностранным языком помогает расширить профессиональное образование, делает реальными профессиональную интеграцию, научное и профессиональное взаимодействие. Оно обеспечивает непосредственный доступ к ценностям мировой культуры, социокультурной и межнациональной интеграции. Владение иностранным языком стало играть важную роль в профессиональной деятельности образованного человека и является частью подготовки высококвалифицированного специалиста любой отрасли.

Специфика работы специалистов сферы обслуживания предполагает прежде всего то, что они будут внимательны, гостеприимны, любезны, готовы к работе с различными клиентами, в том числе иностранными, что невозможно без овладения иностранным языком. В условиях глобализации

развиваются международные связи во всех экономических и политических сферах, а также и в сфере обслуживания. Расширение рынка предполагает грамотную работу с клиентами и партнерами, осуществляемую высококвалифицированными специалистами, которые владеют определенным набором качеств.

Работодатель требует, чтобы кандидат в сфере обслуживания обладал хорошим опытом, был любознательным, активным, имел набор дополнительных навыков, основным из которых является овладение иностранным языком. Для того чтобы успешно конкурировать, сотрудники компании обязаны уметь предлагать свои услуги на иностранном языке, прежде всего английском. Хорошее владение английским языком сотрудниками компании производит приятное впечатление на зарубежных клиентов, оказывает благоприятное влияние на репутацию фирмы, не менее благотворно влияет на продуктивность работы. Соответственно можно предположить, что требования к кандидату при приеме на работу являются отнюдь не завышенным, а необходимым условием продуктивной работы.

Профессионализм персонала, занятого в сфере обслуживания является показателем конкурентоспособности организации. От качества предоставляемых услуг зависит репутация и успех фирмы на рынке услуг, особенно на это следует обращать внимание при работе с иностранными клиентами, которые могут сравнивать предоставляемый сервис с услугами, оказываемыми в своей стране. Успешность работы с зарубежными партнерами сегодня зависит не только от хорошего знания иностранного языка, но и от умения найти правильную линию поведения во время общения с представителями другой культуры. Обучение иностранному языку определяется как процесс овладения средствами межнационального и межкультурного общения при реализации коммуникативных и

познавательных потребностей специалиста. Расширение международных контактов в различных областях народного хозяйства, науки и культуры вызвало необходимость в специалистах, способных применять знания иностранного языка для решения профессиональных задач.

В ходе профессиональной подготовки специалистов сферы обслуживания возрастает значимость освоения иностранного языка, обостряется потребность в овладении им как средством международного и межнационального общения. Однако обозначилось противоречие между профессионально - квалификационными требованиями к уровню владения языком и традиционно сложившимся его результатом - невысоким знанием его студентами неязыковых вузов, для которых учебный предмет «иностранный язык» не является профилирующим.

Для студента сфера применения иностранного языка представляется учебной и повседневной деятельностью. Если чтение художественной, страноведческой и литературы по специальности становится важным видом речевой деятельности, то общение с носителями языка во время учебной практики, стажировки за рубежом, участия в международных выставках, фестивалях, работы в качестве гидов-переводчиков, сопровождающих групп, требует полного владения профессиональным уровнем языка. В повседневной деятельности знание иностранного языка обогащается в ходе прослушивания радиопередач на изучаемом языке, аудио и видео - записей, просмотра кинофильмов и телепередач без перевода на родной язык.

Таким образом, общеязыковая подготовка специалистов сферы обслуживания направляется на предоставление учебной информации об основных аспектах языка (фонетика, лексика, грамматика, стилистика) и формирование навыков и умений, связанных с овладением четырьмя видами речевой деятельности (чтение, говорение, аудирование и письмо), обусловленными конкретной ситуацией общения.

Основной задачей общезыковой подготовки становится обучение иностранному языку как средству общения, что предполагает наличие у студентов определенного комплекса лингвистических знаний и коммуникативных умений. В итоге общезыковая подготовка специалистов по сервису и туризму формирует базовый уровень владения языком, который обеспечивает решение коммуникативных задач, достаточных для ограниченного профессионального общения в стандартных ситуациях. На данном уровне формируется такая степень коммуникативной компетентности, которая необходима для общения с деловыми партнерами при непосредственном контакте и по телефону, для участия в деловых переговорах с коллегами по фирме и понимания содержания деловых писем, реклам, объявлений, выставочных проспектов, каталогов, для составления простых коммерческих писем и заполнения формуляров, бланков, актов. В некоторых случаях данный уровень владения языком позволяет участвовать в переговорах с поддержкой переводчика.

Формирование речевого общения в процессе иноязычного взаимодействия определяет не только специфику будущей профессиональной деятельности, но и создает широкий контекст межкультурного общения и профессионального сотрудничества. Практика овладения речевой иноязычной деятельностью в вузе показывает, что обучение речевому общению представляет специфические трудности, обусловленные целым рядом объективных факторов. К ним обычно относят: отсутствие языковой среды; неимение жизненной потребности использования иностранного языка как естественного средства общения вне образовательного учреждения; ограниченность речевой практики на иностранном языке; коллективный характер обучения иностранному языку в отличие от индивидуального овладения родным языком; сложную структуру иноязычных речевых навыков и умений, которыми должен овладеть обучающийся.

Развитие всех видов речевого общения (устного и письменного) как культурно-языкового пространства на всех уровнях и во всех видах речевой деятельности является основой освоения речевой компетенции будущим специалистом в вузе. Выпускник вуза должен обладать речевой самостоятельностью в рамках профессиональной деятельности, что повышает его образовательную и социальную мобильность, что делает проблему формирования профессиональной речевой осведомленности специалиста все более актуальной в связи с переходом к межкультурно-профессиональному взаимодействию.

Необходимость формирования речевой компетентности будущего работника сферы сервиса является неотъемлемой частью современного образовательного процесса, осуществляющегося на фоне инноваций в социальной и экономической сферах жизни общества и выдвигающего на первый план проблему подготовки конкурентоспособных специалистов, готовых нести личную ответственность как за собственное благополучие, так и за благополучие общества.

Таким образом, процесс формирования речевой компетентности у специалиста сферы обслуживания средствами речевого общения в вузе представлен как речевое взаимодействие преподавателей и студентов, реализующее информационно-коммуникативную (передача - прием информации), регуляционно-коммуникативную (регуляция, поведения в широком смысле слова) и аффективно-коммуникативную (детерминирующую эмоциональные сферы человека) функции в условиях иноязычного общения.

Процесс формирования речевой компетентности студентов в вузе как система представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных подсистем, объединенных для реализации профессиональных и образовательных целей и задач.